18+

Станислав Афонский

ХОЛОСТЯКИ И ЖЕНЩИНЫ, ИЛИ ЧТО СКАЗАЛ КРОКОДИЛ?

Станислав Афонский

Холостяки и женщины, или Что сказал крокодил?

«Издательские решения»

Афонский С.

Холостяки и женщины, или Что сказал крокодил? /
С. Афонский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749919-8

С каких бы тем ни начинались разговоры мужчин — они непременно перейдут на женщин. Почему некоторые мужчины упорно не хотят жениться, почему ведут себя так или иначе, как относятся к женщинам — и почему именно, забавные, и не очень, случаи из жизни «закоренелых» холостяков, их взгляды на любовь в частности и на жизнь вообще — всё это изложено на страницах книги.

ISBN 978-5-44-749919-8

© Афонский С.
© Издательские решения

Содержание

Нечто вроде предисловия 6
Конец ознакомительного фрагмента. 34

Холостяки и женщины, или Что сказал крокодил? Станислав Афонский

© Станислав Афонский, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Нечто вроде предисловия

Возможно, мы не такие уж все и «сво…», как нас окрестили в одном из сериалов нашего прославленного телевидения, да будет ему эфир пухом. Во всяком случае ни один из моих собеседников, чьи слова и мысли будут здесь озвучены, никакими такими «сво» себя не считали в прошлом, не считают в настоящем и надеются на такое же мнение о себе других в будущем. Во всяком случае, клиническими. Может быть, с точки зрения прекрасных дам, происходят эпизоды, подобные анекдотическому «кто хочет, но не может – тот импотент, а кто может, но не хочет – тот сволочь», однако это всего лишь иногда, кое-где, порой, к сожалению, местами и в виде редкого исключения. Кстати, сволочью на Руси называли мелкие деревца, сучья и валежник, которые сволакивали, как ненужный и не кондиционный хлам для сожжения…

Восемнадцать лет, прожитых в рабочем общежитии, и столько же лет работы в почти абсолютно скромном и целомудренном, то есть без примеси женского, мужском обществе, даёт автору право считать себя хоть в какой-то, да степени, пусть даже и относительной, знатоком мужских вкусов и пристрастий, и мнений о женщинах. Впрочем, он не претендует на знание, и провозглашение, истин в последней инстанции и на глубочайшую глубину познания психологии обеих полов, тем более женской. Всякий, претендующий на это, – либо безнадёжно самоуверенный тип, либо нахальный враль – женскую психологию не способен до конца постичь никто. Даже сами женщины. В любом случае самый что ни на есть конец окажется где-нибудь глубоко запрятанным или замаскированным. Автор не собирается делиться опытом собственных похождений. Не намерен преподносить сказанное, как несомненную непререкаемость и вообще не будет пытаться встать ни в одну из поз – они бывают очень неприличными…

Не, не, не… А что же да? Да – это, кроме длительного плавания по штилям, зыби и штормам на корабле по имени «Жизнь» в команде, где женщины были очаровательными, но единицами, не нарушавшими мужской гармонии, общение с множеством настоящих мужчин, подлинных девушек и всамделишных женщин, и, наконец, холостая жизнь, простиравшаяся до возраста Иисуса Христа, к моменту распятия его на кресте… При деликатном намёке на предбрачный возраст естественно типично женское: «О—о—о, у этого много чего и кого побывало». Отнюдь. Никак не могу сказать, что много, но и не поскромничаю излишне, что очень уж мало. Что было – то было… Впрочем, настоящему мужчине всегда мало…

Понятие много или мало, в этом отношении, относительно. Для донжуанов и прочих классических ловеласов послужной список в несколько сотен покорённых дам вполне нормален и даже скромен. А у князя Владимира, «Красна солнышка», крестителя Руси, до его личного крещения женщин в интимной собственности, и употреблении, имелось под тысячу, и даже выше, да он ещё и посторонних не упускал, при возможности. Вот это был мужик… Наверное, потому и с крещением поспешил – многовато грешных подвигов получалось: успеть бы покаяться. Окрестившись, грех свой осознал, покаялся и остепенился. Возможно, вовремя – силы мужские не беспредельны. Не исключено, конечно, что он сначала несколько притомился, а уже потом остепенился. Впрочем, последовательность не важна – важен результат.

Холостяки

Наша холостятская братия к подвигам донжуанским, а уж тем более владимирским, не стремилась, практически. Не потянули бы. Кормёжка не та. И «доходы» не те. Да и времени свободного не имелось для занятий с такой прорвой женщин. Работа, сами понимаете, учёба, то, сё… В холостяках последние десять лет свободной жизни в нашем общежитии «квар-

тирного типа» пребывало около тридцати человеко-душ на своих койко-местах. Все – примерно одного возраста. И все – примерно одного общественного статуса: инженеры, технологи, мастера, рабочие. Многие учились в вечерних институтах, многие их уже окончили. Почти все непрочь были когда-нибудь своё лихое холостяцтво оставить позади, как славный, но подзатянувшийся, эпизод. Да как-то всё не получалось. При горестных раздумьях, таковые очень редко, но всё же случались, вспоминали старые добрые русские дворянские обычаи, когда мужчины решались обременить себя брачными узами в возрасте около сорока лет. В свои около тридцати мы ещё не доросли и не дозрели.

Однажды, и когда-то в семидесятые годы прошлого века, «Литературная газета» разразилась серией статей о холостяках. Автором был некто, если не ошибаюсь, Зорин. Кажется, «В»… Но не ручаюсь, да это и не суть важно – не в алфавите дело. Важно то, что холостяки в его сочинениях предавались анафеме. Смысл статей сводился, помнится, к следующему: холостяк – эгоист и даже эгоцентрик, думающий и заботящийся только о себе, любимом, не желающий брать на себя заботу о женщине, семье, детях, обществе, государстве, препятствующий воспроизводству населения и способствующий геноциду оного своей зловредной пассивностью… Злодейства холостяков были неисчислимы. «Сво…» их ещё не называли, в то время избегали резких выражений в печати, но смысл был ясен: «сво» – могут, но не хотят… Тему, естественно, подхватили женщины. Холостякам досталось и с их позиций: несчастные опустившиеся субъекты, не стираны, не бриты, не ухожены, не выглажены и не глажены, не кормлены и ещё какие-то множественные не. Злодеи и «сво…», несмотря на своё жалкое существование, не желающие жениться ради аморальных, низменных, развратных и сомнительных удовольствий. Трусы, боящиеся взять на себя заботу о сирых и несчастных женщинах, и детях как вообще, так и своих, в частности.

Посмеялись, сочинили ответ, напоминающий ответ запорожцев турецкому султану, только без нецензурных оборотов речи и мысли. Отправили в газету и примерно через месяц… получили его обратно, существенно потрёпанным. Должно быть, послание с удовольствием прочитало не малое количество читателей из числа сотрудников редакции. Но опубликовать не решились. Содержание письма не во всём соответствовало их представлениям о советском рае. Вернули его с приложением ответа редакции: к сожалению, мол, опубликовать не сможем, но возвращаем – в виде исключения и правилам вопреки. Что они этим хотели сказать – осталось не известным, но мы могли быть довольны: наше мнение, хоть и всё-таки, хоть и ограниченно, но услышали..

Писали мы вот что. Не пошлый и похотливый эгоизм тормозил наши помыслы о семейном счастье, и их материальное воплощение в жизнь. Собственно, помыслы эти не терзали нас денно и нощно, как мечты о светлом будущем всего холостого человечества. Мы его, светлого будущего то есть, для себя не видели. Его заслоняли более реальные вещи – наши «койко-места» в общежитии. Это был даже не индивидуальный шалаш, рай в котором мы могли бы предложить своим суженым в холодные времена года. Даже однокомнатным шалашом мы не обладали. И в перспективе его не наблюдалось, даже имея в ретроспективе пятнадцатилетний стаж работы на родном заводе в родимом цехе.

Правда, единичные представительницы прекрасного пола – коллеги, цветущие в поголовно мужском коллективе, как хризантемы среди чертополоха, с этими нашими доводами не соглашались: нет квартир – найдите себе жён с квартирами. Чего, мол, проще: одним махом два зайца. Резонно. Но не для нас. Никто из нас, членов славного племени холостяцкого, не ставил себе цель женитьбу ради рационального решения своих квартирных проблем. В этом случае женщина – приложение к квартире. Или квартира – приложение к женщине. И это приложение может в любой момент выставить чем-нибудь не угодившего ему приложившегося мужика… Да и просто претил нам всем даже намёк на какую бы то ни было корысть при женитьбе. Каждому из нас была нужна… Некая не очень внятная мечта неопре-

делённой, но обязательно прекрасной, внешности, обаятельного характера и всех других пленительных достоинств, как внешних, так и внутренних. Таких пока не встречалось. Могло и никогда не встретиться. Некоторым и не встретились… Некоторым встретились… Но совсем не такие… Поди угадай при первых встречах. И при вторых тоже.

Один из нас так никогда и не женился до самой смерти своей. И совсем не потому, что не хотел или был невероятно привередлив. Очень хотел. Можно сказать, даже бредил. И не только женитьба являлась ему в бреду его. Но и дети, как результат. Холостяк, он даже своё койко-место украсил вырезанными из журналов фотографиями… А вот и не обнажённых бюстов, бёдер, животов и коленок, суммирующихся в соблазнительный образ женщин. Над его койкой смеялись, улыбались, стояли на четырёх точках и лежали на животе маленькие дети. Очень хотел иметь детей. И всё-таки не женился… Но об этом потом.

Есть такая старая грустная притча о том, как некий молодой человек, преисполненный уверенностью и надеждами, отправился в путешествие по всему миру в поисках идеальной женщины. Много лет пришлось ему скитаться, преодолевая всевозможные препятствия, лишения и опасности. Во многих странах побывал. Множество женщин встретил… И, наконец, вернулся на родину. Один. Уже стариком. «Что же ты? – спросили его тоже постаревшие друзья, окружённые своими детьми и внуками. – Так и не нашёл идеальную женщину?» «Нашёл», – грустно вздохнул старик. «Где же она? Почему её нет с тобой?» «Увы, она тоже искала идеального мужчину…»

Итак, мы были холосты. На стенах нашей общежитейской квартиры висели два самодельных плакатика. Один не то, что гласил, а голосил – «Это вам – романтики, это вам – влюблённые!» и изображал сердце, прорванное кукишем. Подразумевалось, что его показывает нам государство вместо жилья и зарплаты, удовлетворившей бы наши романтичность и влюблённость. На другом красовалась надпись: «Нас – 16 миллионов!» Такова была официальная сумма всех холостяков страны. «Так почему же вы не женитесь?» – время от времени домогались от нас женатые соседи, с некоторой тоской в голосах. Тоска была понятна: иметь в соседях, дверь в дверь, здоровенных холостых мужиков – могло быть чревато в перспективе – мало ли что… Жёны-то невольно погладывают… И здоровенные мужики скромно, с достоинством отвечали: «Я не трус, но я боюсь».

Мы боялись. Это была почти фобия. Нет, не свободу утратить. Она, признаться, уже начинала оскомину набивать. Свобода быть одиноким радует не всегда. Общество друзей и товарищей – не совсем то, что необходимо всегда и без разнообразия. Но то, что мы слышали от своих женившихся соратников, знакомых и коллег, и чему свидетелями были сами, – не прельщало, не вдохновляло – ужасало. Не дай Бог, упаси и помилуй, отведи и избавь нас, грешных, от того же. Чур нас, чур… Спаси нас, сила крестная от нечисти бесовской. Мы, разумеется, все были закоренелыми атеистами, как считали, но страх был почти суеверный. Каким же образом ангелы, встретившиеся нашим приятелям, превращались в мегер неистовых и нечисть несусветную, если верить их словам? А мы, конечно, верили. И не только словам…

– А как не бояться, Назар Семёнович? – говорил Вячеслав соседу, имевшему молодую жену с очень выразительным, можно даже сказать многозначительным, вырезом на впечатляющей груди. – Вот послушай историю. Наш общий друг Арнольд Аристов являл своей внешностью почти точную копию легендарного артиста кино и покорителя сердец, и воображений большинства дам всех стран и народов удалого Василия Ланового. Находиться с ним в одной компании с девушками означало неизбежное поражение в их внимании, впадение в уныние и закомплексованность. Все они – ему единственному. Забыв о зловещем «зачем вы, девушки, красивых любите», девушки его любили или мечтали любить – кому как повезёт. Ему оставалось только выбирать уже заранее готовых к безоговорочному пленению поклонниц. Он и выбирал. Но не любил. Очередная отвергнутая задним числом вспоминала пророческие

слова песни и страдала. Арнольд позволял вплотную восхищаться собой очередной жертве. Так и продолжалось до поры. А когда пришла пора – ахнули и его друзья. Она была идеальна и, в свою очередь, очень похожа на актрису Ларионову. Арнольда поздравляли и завидовали: «Ах, какая женщина – мне б такую». (Песни этой тогда ещё никто не сочинил, но мысль носилась в воздухе и в наших воображениях). Внешне пара смотрелась потрясающе.

Арнольд был счастлив и влюблён, и даже больше того – влюблён и счастлив. Она выглядела такой же. Холостяцкое общество наш общий друг покинул. Это всегда происходит автоматически: «женатики» переставали интересовать нас, мы – их. Семейных мы не приглашали даже в праздничные компании. И не даже, а тем более – чтобы не возникало незапланированных сцен ревности. Женатая пара в холостяцком кругу – явление взрывоопасное. Мало ли что супруге или супругу померещится… Или не померещится, а на самом деле случится – чрезмерное, по мнению супруга, внимание к супруге со стороны свободного «джентльмена удачи» или супруги к джентльмену… Извини, Семёныч, не в твой адрес… О присутствующих не говорится, как говорится…

Но вот прошло года два и наш «Лановой» вновь начал появляться в холостятской общаге… Да ты его, наверное, помнишь: высокий такой и сутуловатый на спину… Вот – вот – он самый. Грустный весь, а иногда и вовсе расстроенный приходил. Откровенно поведал: раскрасавица жена по вечерам зачастила к подругам. Подруги, видимо, действовали на неё очень благотворно: после общения с ними «Ларионова» приходила чувствительно навеселе и оказывалась абсолютно равнодушна к своим супружеским обязанностям и к его подвигам. Не говоря уж о добровольном и воодушевлённом их исполнении. «Лежит, – рассказывал Арнольд, – ручки на груди скрестивши, и мух на потолке считает. А первое время очень даже азартно лежала и не до мух ей было… Кроме этого, всем не довольна, всё ей не так, издевается….И дочери внимание уделять у неё времени нет – с „подругами“ общаться нужно». Вскоре развелись… Призадумаешься… От такого мужика жена гулять начала, а нам, серым, чего ожидать, если женимся?.. Мы ещё не разбираемся в лабиринтных сложностях женских симпатий и характеров. Не знали, что внешность лица мужика для женщинов – не самое главное: он, мы – мужики то есть, по их мнению, должны быть чуть посимпатичнее обезьяны – с нас и того довольно… А, стало быть, и для них. Мы о них со своих позиций… Поразмысливши, впрочем, так и с наших позиций бывает, что красота лица не всегда соответствует красоте головы…

А вот другая история… – Вячеслав закурил вторую сигарету. – Пара на пляже играет в бадминтон. Супружеская, очевидно, пара. Женская её половина хороша настолько, что наша группа, «великолепная пятёрка», на других почти обнажённых девушек, лежащих, сидящих, бегающих и ходящих вокруг, почти и не смотрит. Бюст, талия, попа, ножки… Но мужская половина пары ведёт себя как-то странно, на наш взгляд. Нас, впрочем, он совершенно не интересовал. Бросалось в глаза её недовольство своей половиной. Чем-то. То и дело просит его прекратить что-то делать, что ей очень не нравится. А он не прекращает. А она всё больше злится. Он всё больше её чем-то злит… Понаблюдав и уже влюбившись, я, помнится, прокомментировал: «Ну, ребята, этот мужик от своей половины когда-то чего-то дождётся. Доводить женщину до слёз чревато и глупо». Только не понятно было: чем же он её доводил? Ничего вызывающего с его стороны, вроде бы, не замечалось. Играет себе и играет… Молча. Но только, кажется, подчёркнуто молча…

Прошло недели две. В тот день я работал во вторую смену и наслаждался свободой действий до трёх часов дня. То есть, сидел на своей койке, как на самом комфортном месте в комнате, читал книгу и пополнял пепельницу новыми окурками. Время первый час. Стук в дверь. Иду открывать. Открываю и… Застываю в шоке. За дверью. Прямо передо мной – она. Та самая с пляжа. Во всей, только одетой, красе и без ракетки. Мгновенно утрачиваю способности говорить, мыслить и все остальные рефлексы. Мистика! Она, увидев моё состояние, улыбнулась так очаровательно, что я и устоять уже мог только с усилием. В этот критический момент

из-за её роскошных волос появилась физиономия моего лучшего друга. Физиономия улыбалась, на мой взгляд, довольно-таки глуповато.

– «Привет… Войти-то можно? Что остолбенел?»

– «Да… Здрасьте, ребята… Проходите, конечно, чего спрашиваешь?»

– «Чего». Сам встал в дверях, как часовой возле винного склада или памятник командору».

Она вошла первой, пройдя мимо меня вплотную и пронзив насквозь током – мимолётным прикосновением своей упругой и напряжённой груди. Невзначай, разумеется…

Усадив её на стул перед неработающим последние месяца два телевизором, лучший друг отозвал меня на кухню, притворил поплотнее дверь и конфиденциально, вполголоса:

– «Слушай, ты бы не мог пойти прогуляться с полчасика – с часик, а? Пока у нас, понимаешь, обеденный перерыв, а?»

– «А на стол вам накрыть не нужно? Чего будете изволить откушать?»

– «Кончай ерничать. Некогда минут терять дорогих. Откушаем по плотски. Прогуляешься или нет, короче?»

– «Если короче, то как-то совсем не хочется… Но так уж и быть – валяй „закусывай“. Чем запивать будешь?.. А откуда закуска-то? Ты как с ней познакомился, каналья ты эдакий? Где?»

– «О подробностях джентльмены не говорят. Если только в общем, то чисто случайно: она к нам в институт устроилась на работу. Инженером по технике безопасности».

Сказать, что я позавидовал, значит не сказать ничего: я ревновал. Я же влюблён был в неё с того самого дня на пляже. Ну почему я не работаю там, где работает друг, или почему она не поступила к нам на работу? Что там царство? Его у меня всё равно нет. Что там все сокровища земли, при моём окладе о них и помышлять нечего. Что там… Да хоть жизнь свою заложить готов, чтобы на месте друга очутиться… Но пришлось уступать ему своё. Койкоместо… И – тут же мысль о том, другом мужике – муже этой дамы. Вот уж на чьём месте никак не хотелось оказаться. Моя будущая жена должна была быть ничуть не хуже внешностью, чем обеденная подруга моего друга. Но внутренне – душой и прочими морально-нравственными качествами!.. Но как можно узнать неанатомические качества внутренностей? Я не знаю, чем досадил этой женщине её муж. Не смогу узнать и я тайных причин своей рогатости. Замычишь эдак, ненароком, а почему – так и не узнаешь. Не исключено, ведь, что и моя будущая «половина» способна будет пойти «пообедать» с чьим-нибудь другом в чьё-нибудь общежитие… Половинки – не всегда одно целое, порой и разделяются… И даже чаще, чем соединяются.

Подозревать наперёд неведомо какую женщину и неведомо за что – не хорошо. Но вот же – пример перед глазами. А вот и следующий.

За ней как-то само собой закрепилось прозвище «Чудо-юдо». По сходству поведения персонажа сказки «Аленький цветочек»: существо чудищное есть, но его не видно. Может быть, она и не была таким уж чудовищем. Очень может быть, что очень симпатичная была дама. Но мы её не видели никогда. «Чудо-юдо» и всё. Сравнение, конечно, не ахти. Однако прижилось.

Наш товарищ хранил строжайшую конспирацию. Перед её приходом его одолевала сильнейшая нервозность. Он, как говорят индейцы племени маскишеев, терял лицо и хладнокровие. И требовал нашего немедленного исчезновения из квартиры. Куда угодно, но исчезните. Нашего – это четырёх человек. И мы исчезали. Ненадолго. Визиты Чуда были всегда краткими, как извержение гейзера. Краткими, но, вероятно, такими же бурными. После её ухода, такого же таинственного, нервозность товарища сменялась штилевой успокоенностью и томностью. Лица Чуда мы так и не увидели никогда. Из этого обстоятельства сделали выводы: или она щадит нас, не показывая своего страхолюдного личика, или кто-то из нас знает её, или её мужа. Да – она была женщиной семейной. И жила в соседнем доме, сопредельном с хлебным магазином… Вот в «него» -то и бегала «за хлебом», по пути заскакивая к нашему шалашу.

В нём и познавала райские наслаждения со своим любовником на минутку. Заскоки случались и вечером. Но под каким предлогом – нам не известно. Женщины всегда что-нибудь придумают… Семёныч! Ты не бледней – это не про тебя, а про твоего знакомого, ей-ей… Я же говорю: о присутствующих не говорится. Давай-ка ещё пива выпьем…

Пока любовники наслаждались друг другом, мы, покуривая где-нибудь неподалеку, размышляли. Воображение рисовало нам и наше будущее… «Магазинов», хлебных и прочих, всегда больше, чем одна жена, плюс ещё и подруги, и прочие школьные друзья. Ей всегда есть куда сбегать. Окончатся «магазины» – размножатся «подруги». Если и эти исчезнут – другое что-нибудь появится…

Не живи мы в общежитии – никогда не знали бы некоторых деталей семейной жизни других мужчин… Утешала не вполне твёрдая мысль: ну не все же такие, да и мы – не из тех, которые бодаются… Уж мы-то, уж нам-то, уж с нами-то такого не произойдёт… С нашим-то опытом… Может быть. Но: «Всё быть может, всё быть может. Всё, конечно, может быть. Но одно лишь быть не может – то, чего не может быть»… И мы не спешили с действиями. Иногда торопились с выводами или выводы торопили нас… Семёныч! Да не бледней ты, говорю. Не бледней. Чего ты? Ей-ей. Мы же договорились: о присутствующих не говорится… Давай-ка ещё пива дерябнем…

А вот история поскучнее. В ней нет ни беганий «за хлебом» насущным, ни хождений «на обед» на койко-место в общежитие. Жена верна. В этом твёрдо был уверен Колька Соколов. Твёрже, чем таблица умножения с раз и навсегда установленным результатом. Если уж трижды восемь – так уж непременно двадцать четыре… Или срок восемь?.. Ах, нет – это восемью восемь… И требовала того же от мужа. А он курил. И ничего с собой поделать не мог. Что бы ни поделывал – всё равно курил. И не мог бросить. Ни жену. Ни курево. Правда, и особых причин не имелось бросать – здоровье вполне позволяло справляться с тем и другим… Иногда только пел старинную песню запорожских казаков – своих предков, про то, как некий казак променял жену на трубку, люльку, с табаком, тютюном, перед походом: «Мэни с жинкой не возиться, а тютюн да люлька казаку в походи пригодится». Однако, в походы не ходил. Разве только за куревом к соседнему киоску, метрах в пятидесяти от квартиры, где жил с женой и тёщей. Купив любимых сигарет «Прима», при хорошей погоде, закуривал на чистом воздухе и отдыхал, любуясь пейзажем и свежим дымом.

А вернувшись домой, заставал любимую жену в горючих слезах, а ненаглядную тёщу в истерике: «Изменщик! Бросил жену и семью! Куда ходил?! Чего делал?!!» Человека, прожившего в свободном духе общежития десять лет, вгоняли в шок и человек, не выйдя из него до начала трудового дня, делился своими впечатлениями о семейном счастье своём с нами… В итоге в шоке оказывалось уже несколько человек…

– Должно быть, он преувеличивает и утрирует, – раздумчиво усомнился Костя, тридцати с четырьмя годами возраста слегка полноватый черноглазый мужчина с кавказского типа лицом, трудно переваривая жуткий этот рассказ, после того, как Вячеслав пересказал его и в общежитии. – Не может того быть, чтобы по такому ерундовому поводу, да уж так убиваться.

– Может быть, и преувеличивает, – согласился тридцатитрёхлетний высокого роста плечистый Вячеслав, пригладив усы «бабочкой» и приподняв куцые брови над большими глазами. – Он же свои впечатления нам выложил, а они часто ярче бывают, чем само событие… Да, возможно, бабы эти не так уж и убивались, а спектакль разыгрывали – для острастки и внушения для. На будущее. Думал чтобы и осознавал: в семье, мол, живёшь, а не вольным волком на охоте за каблучными.

– Это с их стороны какая-то логика возможно возможна, специфическая. А с его стороны логика другая потенциально вероятна, – предположил Константин, слегка заплутав в терминах.

– И какая же? – поинтересовался Гена, тридцатилетний холостяк небольшого роста с рыжеватыми волосами ёжиком, курносым носиком и хулиганскими глазами.

– Очень простая: с какими же я дурами связался. И не в форме вопроса, а уже с готовым ответом. Ещё несколько таких «сцен» и можно опускать занавес: актёры разбегутся. Один-то во всяком случае… Он вполне может подумать, что от него таким образом хотят избавиться.

– Зачем же тогда устраивать спектакль? Прямо так и сказать можно: пошёл вон, – корректно предложил Геннадий.

– Так ведь спектакль интереснее. А потом это мы с тобой рассуждать можем, а женская логика – это в своём роде – нечто абсолютно не постижимое и не понятное. И логики в той их логике совершенно нет и быть не может, как сухости в воде, – авторитетно и образно заявил, как припечатал, Костя.

– А ты почём знаешь? – полюбопытствовал Вяч, – Или ты в прошлой жизни своей женщиной был и сохранил об этом нежные воспоминания, или в семейной жизни преуспел?

– Если бы преуспел, то среди вас, женострадателей, не находился бы. Я вообще женат не был… Навсегда, наверное, – пожал плечами Костя. – Просто слушаю, смотрю и анализирую. Чтобы потом не попасться, как мух в керосин.

– Что это за мух такой?

– Как что? Муха – она, а он – мух.

– А почему в керосин?

– Потому, что керосин на плаву не удерживает никого. Даже мух. Они, если в него попадают, – сразу на дно и не трепыхаются. Лучше и не попадать, а принюхаться заранее: не пахнет ли женитьба на таких бабах керосином…

– Между прочим, мужики, не так уж и нет логики в той истерике бабьей. Очень даже есть. Он, значит, за куревом ходил. А зачем ходило «Чудо-юдо», а? Говорило, что за хлебом оно ходило. А куда приходило?.. Вот то-то. А закати ей муж её благоверный скандал по этому поводу: заподозрил, допустим, мужик неладное что-то в поведении, благоверной же, супруги. Что бы она ему сказала? Возмутилась бы, надо полагать, до слёз – своих, уточним, для начала, а потом бы и его до них довела. И доказала бы ему, что логики в его словах нет ни на крошку. Отсюда, братцы мои благоверные, вывод, логический, или вопрос: не ходила ли и сама та, которая мызгала мужа своего за выход к киоску табачному, куда-нибудь «за хлебом», и опыт свой переносит на другого? Распространённое, кстати сказать, стремление: в чём грешен сам – в том и другого подозревать, – сказал Вячеслав, притушив при последнем слове сигарету в крышке от консервной банки вместо пепельницы.

– Почему рогатыми только мужиков называют? – после продолжительных раздумий резонно поинтересовался Гена. – А если мужик не со своей женой переспит, то у жены его рога не вырастают? Мужики, ведь, тоже «за хлебом» похаживают. Как и в молитве сказано. Православной: «Хлеб наш насущный даждь нам днесь». Не буханку же и не батон она ввиду имеет, а нечто в переносном смысле. Женщина для мужчины – даже больше, чем хлеб. И уж ежели «даждь», то я прежде всего женщину себе и представляю, а не батон с изюмом. Хлеб можно и не есть, и ничего плохого с тобой от этого не случится. А вот если с женщиной слишком долгое время не… общаться, то возможно обессиливание от детренированности и полная дегенерация личности в целом и атрофия в частности. Это вам не корочку пожевать… Так бывают бабы рогатыми или не бывают?

– Я таких не видел. И под волосами у них не прощупывал. Но и мужиков рогатых не наблюдал. Но это не значит, что их нет. Выходит, и женщины рогатыми бывают, – с железной логикой установил двадцатидевятилетний Витя по прозвищу Слон, незадолго перед разговором освеживший свои извилины кратковременным сном, среднего роста плотный мужичок с лицом положительного киногероя и беспорядочной шевелюрой. Прозвище он получил не за величину объёма тела, а за медлительность его и толстокожие.

– Рогатость или комолость обеих полов зависит от традиций и опыта. А опыт – от возраста. Вот поэтому мужики в России в прошлые века, даже в девятнадцатом, жениться не торопились. Лет до сорока. Или около того. Имеются ввиду потенциальные рогоносцы дворянского и прочего служивого люда, – сотворил краткий исторический очерк Вячеслав.

– И что же: они до преклонного возраста в святости и кротости ангельской пребывали? – поинтересовался Витя.

– Сорок лет для мужика не такой уж и преклонный возраст. А насчёт ангельства, то, вон, Генка только что сказал: если мужик слишком долго постится, то потом до скоромного ему уже и дела не будет. Конечно, каким-то образом они из положения выходили, надо полагать. И опыт в том имели не малый. И рожки у их жён вполне могли прорасти. А вот каким именно образом и способом – у них спросить бы, опыта поднабраться.

– Не обязательно спрашивать. Тут в каждом веке у каждого свои секреты и приёмы. У кого хлеб в магазине, у кого совещания, у кого день рождения школьного друга…

– У кого публичный дом, – дополнил Витя.

– Совершенно верно: у кого публичный дом или просто бескорыстная… та самая. У кого и обеденный перерыв. Он ведь не только у той красавицы был, но и у её партнёра тоже, а им мог оказаться и женатик – от такого противоположного пола и плода запретного вряд ли кто отказался бы. Всё взаимосвязано, – подвёл итог Генка, почему-то грустно вздохнув, – как сказал крокодил, закусывая стреноженной зеброй…

– Почему, собственно, женский пол непременно противоположный? Женщина – не наш противник, а даже наоборот – всяческий союзник, помощник, подруга, жена, сестра, спутница, любовница… Она предназначена природой для соединения с нами даже анатомически. И вдруг – противоположный. Почему? Молчать, я вас спрашиваю, – не совсем логично вопросил вдруг Костя, вспомнив, должно быть, армейские приколы.

– Наверное, потому, что с параллельным полом нормальному мужику просто не интересно, и даже противно, соединяться. Сочетаться возможно только с противоположным. Физиологически. А во всём остальном Костя прав: женщина – вполне дружественный пол… За исключением тех, кто противоположный. Но исключения, как мы знаем, не опровергают правила… – не без хитринки в глазах и интонациях сказал Вяч.

Вы сможете отличить в толпе прохожих только по внешнему виду холостого мужчину от женатого, а незамужнюю женщину от замужней?.. В общем-то, этого и не требуется. Проходящим это как-то ни к чему. Идёт каждый по своим делам, внимания не обращая на статус встречных и поперечных женщин. Можно, впрочем, по возрасту: если старше тридцати – то, скорее всего, замужем; если моложе восемнадцати – скорее всего, что нет. Ну, определили: что с того и что дальше? В современном обществе не помеха для знакомства ни тот, ни другой случай. Так что – вопрос праздный. Но не для холостяков, давших себе обет с замужними дел половых не иметь. Именно таковыми и были несколько человек из нашей компании. Не только из мужской солидарности зареклись мужики: встречи с замужними отнимали бы наше время от встреч со свободными – с теми, кто мог бы стать нашими жёнами.

На Руси, когда-то, женщин оберегали от возможных посягательств и искушений. Для замужних имелись особые традиционные головные уборы. Как знак холостякам: просьба не беспокоиться – мы не такие… Теперь, видимо, такие все… Но всё же, отличать свободную от вышедшей замуж мы умели. С одним только условием: девушка должна была быть хоть в какой-то степени нам знакома по внешнему виду. Далеко не все девушки нашего завода, где трудилось двенадцать тысяч человек, были знакомы нам по именам. Но лица их и фигуры узнавали издали. Даже со спины. Особенно тех, кого каждый из нас считал особо выдающимися по симпатичности. Они же сами, зная и памятуя ежеминутно, что находятся в мужской среде и стихии, являлись на работу в наиболее возможном привлекательном виде: платье, костюм-

чик, причёска, губки, глазки, походочка… Во всеоружии, одним словом. Весёлые, по мере характера, и кокетливые, – в силу способностей. Такими и запоминались… И, с некоторых прекрасных дней, вдруг всё меняется. Постепенно, но довольно быстро. Исчезает упругость и кокетливость походки, особенно амплитуда колебаний нижнего бюста. Тускнеют глазки. Губки ещё подкрашены, но не настолько изящно, как недавно прежде. Строже становится одежда… Всё ясно – вышла замуж. Проверяли, для чистоты эксперимента, спрашивая знакомых с изменившейся: в чём, ребята, дело? Ребята подтверждали: да – вышла замуж. Цель достигнута – можно и не обольщать, и не беспокоить посторонних и потенциальных – свой есть, уже обольщённый.

– Да что мы всё о кошмариках да страшилках? Многие живут со своими женщинами хорошо. Не безупречно, конечно, но вполне терпимо. До разных драгоценных свадеб доживают, серебряных и золотых, – попробовал урезонить друзей положительный Константин.

– Многих мы не видим и ничего о них не знаем, кроме как по кино и книжкам. Они живут себе в четырёх своих стенах… Ладно, пусть в шести, разрешаю, так и быть… И пускай им повезёт. А мы говорим о том, что видим воочию. Видим и дрожим, – Вяч изобразил жуткую дрожь, – О хорошем пусть газеты пишут. Эту их писанину всё равно не читают – не интересно потому что. Гораздо интереснее о плохом почитать. Потому и детективы так популярны – нервы пощекотать хотя бы слегка и поразвлечься… А для нас кошмарики семейные потусторонних от холостяцкой жизни товарищей – урок на будущее, светлое, надеюсь. Чтобы избежать ошибок. Мы, можно сказать, исследователи – наблюдатели и активные практиканты.

– А не кажется ли нам, что иногда лучше не знать, чем знать? Перегрузишься плохим – оно и будет потом мерещиться там, где его и нет. Подозревать без вины – это, знаете, фобия, она же мания, – продолжил свою версию мысли Костя.

– С гражданкой Фобией не знаком, Маню не встречал и «мыслю» твою не одобряю. Предупреждён – значит, вооружён, – лязгнул словами, как горячей сковородой, Вячеслав.

– Скучно так жить, мужики, – всё время ожидать подвоха, обмана, притворства, – вздохнул печально Константин. – Чем так существовать, а не жить, лучше немедленно после свадьбы развестись или не жениться вовсе.

– Многие так и делают. Одни, как ты, – не женятся, а другие скоренько разводятся, – поддержал товарища Фёдор, высокий плечистый лысоватый человек, единственный из компании, имевший опыт женитьбы, печальный, как его глаза и вислогубый рот.

– Да ладно вам… Не всё так грустно, как подумала отрубленная голова: главное – зубы топором не вышибли, – мрачновато изрёк Гена.

– Ага, всё гораздо печальнее, подумало туловище: на что теперь шляпу надевать? – подхватил Фёдор.

– Смеяться можно? – осведомился Вячеслав. – Это шутка, надо полагать?.. Предлагаю сменить тему.

Компания молчала, оторопело осмысливая дикую логику рассуждений головы и туловища.

– Можно и сменить. Только к чему? Всё равно на баб свернём. Все темы ведут к ним, как и все дороги вели к коммунизму, – возразил Гена.

– Попал в цель, как задницей в очко. Коммунизм твой – фантастический бред после похмельной полуночи, а женщины – реальная на самом деле всамделишность… А интересно бы знать: при коммунизме, если бы мы его на самом деле построили, в среду, скажем, женщины тоже были бы по потребности? – философски озадачился Виктор.

– Если бы да, то это было бы ещё пол-беды. Вот если бы женщины требовали от мужиков по своей, женской, потребности, то как бы мужикам с ними справиться, если их, мужиков, в природе меньше, чем баб, а? – ехидно прищурился Костя.

– Вопрос, конечно, интересный… Здесь, думаю, должен был бы сработать другой принцип: от каждого – по способности. На какое количество женщин мужик способен – столько ему и давай. Вообще не способен – ходи на стриптиз, – внёс рационалистическое предложение Вячеслав.

Помолчали, обдумывая и такой вариант развития событий при коммунистическом обществе, случись оно на самом деле.

– А мне, знаете, вот что интересно бывает. Идёт, допустим, девчонка по улице… Или в компании сидит, или в ресторане – где угодно. Бюстик показывает едва не до сосков, ножки дальше некуда… Будто себя подаёт: возьмите меня. Что мужику её взять или потрогать, хотя бы, хочется и за бюст, и за ножки, и за всё прочее, – это яснее ясного. Но ей-то самой, должно быть, тоже того же хочется – иначе не показывала бы все свои соблазнительности. Не при всех, конечно, и не каждому желающему дать себя потрогать, а в удобном месте и в подходящей ситуации как бы уступить, – предположил Генка.

– Ребята, кстати вспомнил! В газете какой-то недавно стих прочитал, типа частушки: «Ах, милка моя – шевелилка моя! Сама ходишь шевелишь, а мне трогать не велишь». Ясно чем шевелит, когда ходит, его милка, а трогать не велит – это как раз по теме.

– Попробуй, тронь. Такой визг поднимется, что у самого всё шевеление мигом пропадёт. Они, при всей своей демонстрации, боятся, что на них нападут, – проговорил, глянув исподлобья Виктор.

– Один очень древний мудрец однажды сказал: боязнь подвергнуться нападению говорит о тайном желании подвергнуться нападению, – глубокомысленно вспомнил Вячеслав. – Недавно газеты писали о женщине, убившей ножом мужика…

– Как так? Сами, понимаешь, как ты говоришь, боятся и желают подвергнуться нападению и сами же с ножами ходят? Где логика, сэр? – придрался Гена.

– Это не я говорю, а мудрец древний сказал. Здесь же и логика. Она пырнула этим ножом таксиста за то, что тот хотел её изнасиловать… Но тут одна маленькая деталь. Перед подвигом своим она с мужем поссорилась. Ночью, часов около двенадцати. И выскочила на улицу. Прогуляться, мол, и успокоиться. И не куда-нибудь, а в парк. И не где-нибудь, а минутах в двадцати ходьбы от дома. Погуляла там, приключений на свою… не знаю что там, не нашла, успокоения, похоже, тоже и собралась домой вернуться. Вышла к дороге, остановила такси. Дамочка внешне была очень даже ничего, и таксист здраво рассудил: женщина, симпатичная, одна гуляет по парку глухой ночью… Кем она, скорее всего, может быть? Вот он и решил попользоваться. Но как только приступил к решительным действиям, мадам вытащила длинный ножик из своей сумки и воткнула его в мужика. Она же, говорят, и скорую потом вызвала, гуманистка… Наглядный пример: хотела и боялась. Хотела – пошла одна ночью в дальний от дома парк. Боялась – прихватила с собой нож. Можно предположить: просчитала возможную ситуацию. То есть, заранее готовилась. Но попало мужику – насильник. А вот ещё случай. Тоже из милицейских историй – не выдуман. Некий милиционер надумал жениться. Невесту выбрал – во всех внешних отношениях – мечта сексуального идиота. Свадьба вот-вот состоится… Едет по шоссе его лучший друг. В машине. Один. Глядь, невеста друга на обочине руку поднимает. Почему бы и не подвезти, тоже мент. Остановил, посадил. А невеста в очень минимальной юбке. И ножки у неё… Их надо видеть – рассказать невозможно. Он их и видел, когда она рядом с ним села. А представляете, как выглядят ножки под мини-юбкой в сидячем положении в машине, где они приподняты?.. Правильно – так, будто юбки нет совсем. И она сидит, рядышком, смеётся, глазки строит. А теперь поставим себя на место этого друга: девушка словно себя преподносит и явно соблазняет. Плоть взыграла, произвела то, что бывает у мужиков автоматически и мужик, при таком мощном стоянии, не устоял. Свернул в лес и совершил акт. Половой. При её, вроде бы, сопротивлении. Почему вроде бы – потому что установить от неё самой было уже нельзя. После акта она, опуская юбочку на место, возьми и пригрози,

что теперь всё жениху расскажет. «Друг» её и прикончил. О чём говорит история? О том, что сила женского обаяния – превыше может быть всех устоев. Что от него голова теряется, словно под ножом гильотины – при сохранении мужской силы. Что женщины порой не сознают силы своего невольного, или в тайне вольного, обольщения. Что же, скажете: им и мини-юбок не носить? Непременно носить и как можно чаще, и короче. Но при этом сохранять бдительность. О глупости той невесты тоже говорит: промолчала бы – осталась бы жива. Донести могла жениху и потом, или и не донести. Тот, якобы насильник, тоже дурак: девчонка, скорее всего, жениху ничего не сказала бы. Её во всяком случае можно было уговорить не делать этого – она и сама виновата, отчасти. Если девушка перед вами поднимает юбку до пупа с одной стороны, а декольте до того же пупа с другой – что вы можете подумать?.. А потом и сделать?.. Вот именно. Кроме того, я твёрдо убеждён: женщину в одиночку мужик изнасиловать не сможет, если она не захочет сама. Конечно, если только он – не маньяк. У психов совсем иная психика и потенция. Нормальный мужик пока силы тратит на преодоление сопротивления дамы, настолько переключается, что если и сломит волю так сказать жертвы – на другое сил уже не останется. Сломил, полежал, извинился и удалился, оставив даму в неудовольствии, но в утешительном сознании честно выполненного долга…

– Ты, Вяч, думаю, не прав. Мужик сильнее женщины и изнасиловать её всё-таки сможет. Насилуют же, в конце-то концов, – возразил Геннадий.

– Я ведь не женщина, откровенно говоря, – с деланной скромностью потупился Вячеслав, – и как там у них дела обстоят при изнасиловании не знаю. Не пробовал ни с той, ни с другой стороны. У меня только теоретические предположения… Разумеется, женская честь для многих – дело чести, достоинства и борьбы не на жизнь… Только жизнь, как мне кажется, всё же дороже… Ладно, я не прав – согласен. Спор только для спортивного интереса. Я пошёл – у меня в ванной рубашки замочены. Постирон сегодня затеял.

Ошибались женщины, принимавшие участие в дискуссии о холостяцком образе жизни и о них самих. Неухоженность? Сущая ерунда. Рубашки и брюки гладились регулярно и безупречно. Малейший след запачканности воротника – немедленная и беспощадная стирка. Те, кто служил на флоте, обладали искусством так отглаживать стрелки брюк, что они сзади точно сходились в одной точке в строго означенном месте и остры были бритвенно. Ботинки начищены до сверхъестественного сияния и до зеркального состояния. Затылки аккуратнейшее подравнены бритвой. Щёки, подбородки и шея – выскоблены в двух направлениях: сверху вниз и снизу вверх. Стирали сами, ничуть этим не тяготясь. Особенно после появления нейлоновых рубашек. Их и гладить не требовалось. Простирнул и, не отжимая, повесил на плечики. Часа через два – надевай абсолютно сухую снежно-белую с лёгкой голубизной без единой складочки рубашечку.

А пожилые женщины не унимались: женитесь – будет кому и постирать, и еду приготовить, и, если заболеете, воды стакан принести… Что? Жениться ради того, чтобы жена носки стирала да щи варила, да пресловутый стакан воды подавала? Нет и нет. Это не цель и не смысл. Романтические рассуждения смешили многоопытных дам, настроения пугали: эдак вы никогда не женитесь, несчастные. Почему же «несчастные»? Жизнь холостяка по сравнению с бытом женатого почти то же самое, как пора детства – самая счастливая – потому что беззаботная. «Это всё до той поры, пока вы не полюбите какую-нибудь красотку» – возражали озабоченные нашими судьбами пожилые коллеги. «Каких-нибудь мы не полюбим никогда», – вставали в гордую позу мы и продолжали свой «образ жизни».

Он состояли и из приготовлении еды. Правда, этим занятием мы себя не очень утруждали. Зачем, если есть на белом свете столовые? Домашняя еда вкуснее? Да что вы говорите? Это зависит от того, как её приготовить. Даже и женатым целесообразнее в столовую ходить – вместе с женой. Когда ей заниматься кухней, если она работает? Естественно – после

работы вечером. Но ведь она устала уже днём. Ей отдохнуть нужно, а тут муж, якобы голодный, еды требует. Запрягайся, жена… Нет, леди и джентльмены, жена должна быть отдохнувшей и свежей – так она симпатичнее, добрее и ласковее – это для мужика главнее, чем еда. «Путь к сердцу мужчины лежит через желудок» – одно из глубочайших заблуждений женщин. Не у всякого мужчины он находится в голове.

«А вы должны бы быть хорошими мужьями, – с любопытством и одобрением поглядывали на нас замужние, – у вас есть несомненные плюсы». Одним из них считалась наша абсолютная неприхотливость в еде. Всеядны, кроме несъедобного изначально. Один из нас, женившись, в конце концов, поражал даже жену способностью в течение месяца питаться дома только щами – это было единственное первое блюдо, которое она могла приготовить без опасности для жизни едока. «Самой надоело до тошноты, а он ест и нахваливает!» А он признавался нам, конфидециально: « Щи и на самом деле у неё очень хорошо получались. Поднадоели, конечно, но я же знал, что она до замужества вообще ничего не готовила, и не хотел её обижать своим «не нравится» или «надоело». Я ей и в столовую предлагал ходить вместе: зачем, говорю, время тратить на кормёжку дома. А она обижается: мне хочется тебя самой покормить. Да в столовой и дороже получится, чем дома приготовить. Вот она, главная причина… Однажды, правда, казус случился. После работы жена поставила вариться вермишель, а пока она там варилась, мы с ней… полежали немножко. И забыли про своё варево. Надолго – поинтереснее дело нашлось. Продукт сварился и сгорел. Полностью. И очень своеобразно. Когда подняли крышку, то под ней увидели… Даже не сразу поняли что – антрацитовой черноты аккуратную вещицу. Каждая отдельная вермишелина сохранила свою персональную форму. Получился ровной окраски цилиндр с фантастическим узором извилистых линий. Жена, конечно, расстроилась, хотела выбросить продукт: брак, мол, а я запротестовал: это же такое украшение! Вбил в стенку гвоздь и насадил на него наше произведение. Жена обидеться собралась: издеваешься, на смех выставил. Ошибаешься, говорю: никто ни за что не догадается что это такое. Спросят, скажу: это, дескать, абстрактное произведение искусства под названием «Змеиная ночь». Там, действительно, вермишелины, как чёрные змейки клубком. Если догадаются – на себя возьму, будто я проглядел – мне простительно. Долго у нас эта «абстракция» висела. И в самом деле – никто не понял, что перед ними находится. Хвалили и восхищались: оригинально и эксклюзивно… Жаль, но однажды шедевр свалился и разбился вдребезги».

– Повезло той жене с тем мужем, да и мужику тоже… Хорошая, должно быть, пара получилась, – сказал Вячеслав. – А вот нашему приятелю не подфартило… Валерой его звали, а её Эльвирой. Дело у них к свадьбе шло, как по маслу катилось. Гладко и неотвратимо. Нашёл наш Валера сокровище такое, какое и искал, и не захотел его терять. Надо полагать, и сокровищу понравился искатель. «Презентацию» своей драгоценности Валера приурочил к новому году – привёл её в нашу компанию на новогоднюю ночь. Компания восхитилась и было, поверьте, чем. Исподтишка осмотрев девушку со всех сторон и в допустимых ракурсах, «жюри» изъянов не обнаружило – одни достоинства. Особенно по сравнению с Валеркой. Он был толст, рыхл и неуклюж. Что-то вроде Пьера Безухова в современном варианте. И такой же добродушный… Застолье началось… Главное украшение стола – «кубинский» ром. Он, скорее всего, кубинским не был, но назывался «Хавана рум», и имел на этикетке негра с веслом. Тёмно коричневая жидкость, запах шоколада, приятный вкус и – шестьдесят градусов убойной силы… В моде тогда были смеси. Водка, «Столичная», с шампанским называлась «Северным сиянием». Водка «Московская» с шампанским – «Флажок»… Водка «Сучок», тоже с шампанским, – «Белый медведь». Тот самый «рум» с шампанским – «Бурый медведь». А Валера наш водку не пил даже в чистом виде, не говоря уж о «руме»… Идеальный был для женщин мужчина: не пил и не курил. Следствие: не знал свойств и последствий. Особенно «медведей». Ему одного из них и поднесли – «бурого». Фужерчик граммов на двести или побольше. Валерик его эдак ухарски в себя и выплеснул тот коктейль взрывчатки с фейерверком – перед своей

дамой, видимо, хотел блеснуть. Как там у него внутри полыхнуло сказать трудно, но внешне блеск выглядел так. Когда начались танцы, Валерий, пошатываясь, подошёл ко мне, сказал «залепетающимся» языком: «Вяч! Помни про бурого медведя!» и рухнул на пол. Без собственного сознания. До конца. Конец оказался многосторонним. Одна сторона – Валеру вынесли в другую, необитаемую, комнату. Другая сторона: выпадением, в буквальном смысле, из рядов активных участников вечеринки Валеры воспользовался другой боец – Эдик, явившийся без пары. По правде сказать, правильно сделал: Эльвире одной стало немножко не уютно в обществе, где каждый кавалер занят своей дамой. Возможно, будь она менее привлекательна, очаровательна, улыбчива и… не попробуй она того же «медведя», всё только танцами и ограничилось бы. Но она была тем, что была – смесь себя с «Бурым медведем», которому кое-чего явно не хватало… Не в таком объёме, как Валерий, но всё же. Через некоторое время Эдик её, вместе с что-то там вытворявшим внутри Эльвиры животным, куда-то увёл… Появились они вместе примерно через час. Эдик самодовольно светился, обнимая Эльвиру за талию, и даже пониже. Она шла несколько смутившись, заметно растрёпанная и, кажется, тем не менее, какая-то расслабленная… Причину своего сияния и всех других явлений Эдик объяснил почти сразу же: «Неустойчива оказалась валеркина невеста». А вот и следующая сторона: не свались Валерка – не состоялось бы испытание его невесты на «устойчивость»… Верно, Костя, говоришь: сам и виноват – проморгал. Пусть так, но что это за невеста, за которой глаз да глаз необходим, да ещё и не моргающий. А тот Эдуард мог бы, по-джентльменски, и промолчать о своём подвиге, а он язык распустил, как пожарный шланг перед огнём. Валере о неустойчивости стало известно всё и даже в деталях, и сколько раз… Женитьба не состоялась. Эльвира с Эдиком тоже не встречались больше… Глупейшая история…

– И никто тому Эдику морду не сделал неустойчивой? – поинтересовался Геннадий.

– А, собственно, за что? Разве только за то, что поступил не по-джентльменски – растрезвонил. Но «сучка не захочет – кобель не вскочит». Он же её не изнасиловал… Кажется, они поразвлекались в той же комнате, где Валера спал – другой не имелось в нашем распоряжении, и на соседней с ним койке… Не женился? На такой – правильно сделал. Рано или поздно она всё равно себя проявила бы. Трагедия. А так – расстались и дело с концом, – окончил повествование Вячеслав, состроив безразличную физиономию.

Призадумались ребята… Каждый примеривал на себя. И всем казалось: не исключено… Выпивка виновата? С ног свалила она только Валеру. Другие пили в меру. На сверх меры, даже при желании, выпивки не хватило бы – закупали в пределах средств, не слишком беспредельных. В том-то и была причина популярности смесей: качеством заменяли количество – выпить меньше – развеселиться больше. Не напивались, что называется «вусмерть», никогда. Не было ни одного случая, чтобы кто-нибудь назюзюкивался до невменяемости, до потери координации и ориентации в пространстве и времени. Даже удивлялись, видя субъекта, мотаемого из стороны в сторону, нечленораздельно мычащего и облик человеческий утратившего: сколько же надобно выпить, чтобы в такое состояние впасть? Может быть, притворяются или разжижение мозгов происходит… Выпивали для поднятия настроения, не всегда жизнерадостного, – «налаживали жизнь». Главным образом в компаниях по случаю каких-нибудь праздников. Накануне старались найти женское общество – на вечерах отдыха и на танцах. Старания и хлопоты часто оказывались напрасными. С кем попало общаться не хотелось, а с кем хотелось – не попадалось. Результат – изображение веселья в сугубо мужской компании за «рюмкой чая» градусов в сорок.

«Не может быть», – не верили матери семейств, имевшие дочерей. – Врёте, небось, а если не врёте, то что – вам женщины не нужны?“ „Нужны, да ещё как!“ „Почему же их у вас нет? Вон их сколько вокруг – цветники и клумбы каких хочешь цветов. Берите хоть охапками“. „Кому чего хочется. Тех, кого хотим мы, вокруг нет и охапки нам не нужны. Нам бы каждому по цве-

точку. Пусть не экзотическому, но приятному“… „Кого же вы хотите? И чего вы хотите?»… «Ах, если б я сам это знал»…

– Мне тут книжица в руки попала. «Без нас вы – ничто», – странно усмехаясь, рассказал Константин. – Автор её, разумеется, женщина. Вы – это мы, мужики то есть. «Без нас» – это без женщин, стало быть.. А «ничто» – хорошо, что не прибавилось «жество» – «ничтожество» получилось бы… Спасибо и на том. Не прибавилось, но подразумевается. Вот такое о нас мненьице и такое отношеньице. С ничем и считаться не нужно. Хоть «Интернационал» запевай: «кто был ничем – тот станет всем».

– Вот когда станем всем – тогда и запоём. Станет – время будущего. Если мужики так себя перед бабами поставили – сами и виноваты. Ладно, будем снисходительны. Если и в самом деле «без женщин жить нельзя на свете – нет», и «в них – радость жизни, как сказал поэт», то без радости жизнь действительно ничто, – благодушно сказал Сергей, спортивного вида тридцатилетний брюнет, только что вернувшийся со свидания, явно счастливого.

– Мужчинов в России хоть и меньше, чем женщинов, «потому что на десять девчонок по статистике девять ребят», но всё-таки много. Разнообразных. И это – хорошо для женщин. Различных. У разных особей разные вкусы. Здесь и спасение для обеих сторон… Естественно, вкус каждого отдельного мужика – дело персональное и на эталон. Если дама высока, но при этом очень симпатично и не стандартно сложена, то она вполне восхитительна, – высказался Вячеслав, мысленно представив себе описанный образ.

– Не стандартно сложена – это как: талия шире попы и бюст на животе? – с серьёзным видом задал вопрос Витя.

– Нет. Это когда… Осу видел?

– Не только видел, но и кусался с ней. В смысле она меня.

– Так вот, когда она кусает, то очень изящно изгибает свою талию, заметь на будущее.

– Спасибо за совет – непременно обратю… обращу, обрасю на это внимание, – приложил ладонь к груди Витя.

– Не стандарт – это когда талия осиная, а… попа…

– Лошадиная, – подсказал Костя.

– Умный человек ты, Константин, а глупый… Хотя, гибрид осы с лошадью – это интересно. Нет, нестандарт талии с попой – это когда талию можно обхватить двумя пальцами, а другое только обеими руками. И бюст тоже. Вот такая, на мой взгляд и осязание, может стать эталоном женского сложения.

– А что важнее: взгляд или осязание?

– Осязание взгляда. Понятно?

– Нет. Зачем тогда свет выключают перед самым что ни на есть осязанием?

– Во- первых, не все его выключают. Во-вторых, при таком осязании, всё-таки, важнее само осязание… Но перед ним взгляд непременно обязателен… Если ты предмет раньше не как следует разглядел, – присоединил свой опыт Федя.

– Вообще, мужская мудрость гласит что? Она гласит то, что не красивых женщин не бывает: бывает много света и мало водки, – вставил Сергей.

Вячеслав иронично пожал ему руку.

– Нестандарт ещё и женщины небольшого росточка, – мечтательно возвёл глаза к потолку Геннадий. – У них ножки чаще бывают очень женственными. И вообще, они такие аккуратненькие, компактненькие, симпатичненькие – цимус и пэрсик, как сказал кавказский крокодил, глотая лилипутку…

– «Цимус» да «цимус»… А что такое цимус? Кто знает? – обратился к обществу Витя.

– Ну… Цимус – это… А чёрт его знает, что это такое, – после краткого раздумья признался Вячеслав.

– Какого же чёрта его употребляем?

– Лысого, наверное. Если красивая, особенно, женщина – значит цимус и всё тут, – положил конец неизвестности Костя.

– Стандарт, не стандарт, талии, лошади, попы, цимусы длинные, короткие… Вкусы меняются. Сходите в художественный музей… У художников вкус на женскую красоту не скажешь, что пошлый. А посмотрите: Кустодиев таких не стандартных толстух писал, что его симпатии сразу видны. И те, которые в эпоху Возрождения писали женщин: у них главным образом очень полные дамы на полотнах… На картинных, Витя, на картинных, а не на постельных… В те времена такие вкусы были у мужиков. Да и не только в те. И сейчас в арабии арабы уверены: чем дама полнее – тем она лучше… Там такие жиры висят на телах – аппетит у нас начисто пропадёт, а их мужики облизываются…

– Люблю женские окорочка, как сказал крокодил перед ужином, – вставил вдруг Генка…

– Но, опять же, не все: среди стандартных вкусов есть и не стандартные. Один и тот же мужик сегодня хочет, скажем, пресный блин, а завтра – бифштекс с кровью… А Сальвадор Дали? А Пикассо? Оба не от мира сего, а какая разница в изображении женщин! Сальвадор показал свою обожаемую Галю, русскую, кстати, так, что её хочется так же обожать и зрителю. А если посмотреть на полотно Пикассо «Авиньонские девушки», то вряд ли нормальному холостому мужчине ехать когда-либо в тот Авиньон захочется: жуть и ужас его девушки. Хуже кошмарного сна безумного орангутанга, висящего вниз головой на хвосте… Но нужно подумать… Нет, Витя, не об орангутанге на хвосте… Нужно подумать: так великие ценители женской красоты лишь изливали на полотна то ли своё действительное восприятие видимых образов, то ли намеренно хулиганили – стремились к оригинальности – так легче эпатировать обывательскую публику. Пикассо это, несомненно, удалось. В жизни же своей, мужицкой, и не художественной, влюблялся он в вполне нормальных симпатичных женщин: и в пышных, и в стройных, и в интеллектуалок, и в проституток. Трудно сказать, как они относились к тем портретам, которые он с них художественно писал. Но его самого они, говорят, любили. Он их, надо полагать, тоже – иначе не за что было бы его любить… О любви художника, помнится, Аркадий Васкберг писал, что художник любит не так, как все: его любовь находит воплощение в созданным им шедеврах, имеющих вполне определённую цену, отнюдь не метафорическую и не виртуальную… Если это так, то у меня, слава Богу, вкус совсем не художественный. Ни одну из «шедевров» девушек, которые авиньонские, я не смог бы полюбить даже в невменяемости от выпитого – мигом бы протрезвел от ужаса такого… Впрочем, Пикассо – особый случай… Да, пожалуй, и Сальвадор Дали тоже… Пикассо где-то писал, кажется, в своём дневнике, почему он принялся писать свои «шедевры». До них он занимался вполне традиционной живописью. На его картинах можно было легко узнать реальный мир и его живописные детали: вот вам глаз и вот вам нос. Но как-то однажды ему пришло в голову похулиганить, собственного развлечения для. Взял, да и нарисовал что-то там абстрактное, сюрреалистическое и намеренно безобразное – нос вместо глаза и наоборот. Нарисовал и выставил на какой-то, не помню, выставке. Заранее уверенный в том, что его работу поднимут на смех и изругают. Не тут то было! Публика приняла его хулиганство за нечто новаторское в искусстве живописи, критики расхвалили, все в восторге… Он и продолжил в том же духе… Вот вам и «шедевры любви художников»… – Вячеслав еле перевёл дух после длинной речи.

После этого разговора в нашей компании так и вошло в обиход слово «шедевр»… Даже «шедевра» – для обозначения кого-нибудь особенно не симпатичного субъекта. Шедевр, если речь шла о мужском, и «шедевра», если о женском. Когда появлялась необходимость дать краткую характеристику и дающий её произносил: «Эх, и шедевра» – всё становилось понятно: объект внимания не достоин в силу своей выдающейся и шедевральной непривлекательности.

– Какие женщины самые симпатичные? – Озадачился злободневным вопросом Виктор после длительной и вдумчивой беседы о новейших технологиях холодной обработки металла.

– Красивые, – кратко отрезал Костя.

– Неправда ваша, дяденька Костя, – возразил Генка, – красивые не всегда бывают симпатичными.

– А симпатичные – красивыми, ты хочешь сказать?

– Не так чтобы хочу, но это на самом деле так. Бывают лица безупречные по правильности – как чертёж – всё чётко, пропорционально, симметрично и непогрешимо, но чертёж есть чертёж. А возьми тот же чертёж и нарисуй его от руки, с соблюдением всех размеров, – вид будет такой же, но живее – симпатичнее, – потому и симпатичнее, что живее. Прямую линию можно провести по линейке и просто рукой. Она тоже будет прямой, только живописнее, что ли, смотреться. Снежная королева красива, но холодна – поэтому милой, симпатичной быть не способна. Красота может быть холодной, симпатичность, я уверен, – никогда, – с трогательной теплотой поделился мыслями Гена. – Поэтому мне, лично, ближе симпатичные девушки, а мой эталон, так сказать, технической красоты – артистка Ирина Скобцева.

– Что же, красивых стороной обходить нужно? Они разве виноваты, что красавицами родились? И среди них есть очень тёплые, добрые, симпатичные дамы, – примиряющее сказал Сергей.

– Серёга, дай пять: очень хорошо сказано – и среди красивых могут быть симпатичные. – улыбнулся Костя, – то есть, обаяние всё же приятнее и выше красоты.

– Это если иметь ввиду только внешние признаки. Есть, ведь, ещё и красота обаяния, – заметил Вячеслав.

– И обаяние красоты, – не удержался дополнить Костя.

– Каждая женщина по-своему обаятельна…

– Как сказала баба Яга, сняв бигуди и садясь на помело, – немедленно продолжил фразу Генка, подняв к потолку гвоздеобразный палец.

– Я, вообще-то, не то сказать хотел. Вопрос не правильно поставил. Точнее так: какой национальности женщины красивее? – продолжал любопытствовать Витя.

– Ну, ты даёшь, Витек. Если бы такой вопрос всерьёз поставить на международном форуме – не далеко бы и до межнациональных конфликтов, – изображая серьёзность заметил Константин. – Каждая нация отстаивала бы свой приоритет.

– А кто именно стал бы его отстаивать? – Уперев руки в бока спросил Сергей.

– Тебе что – по именам назвать или по должностям? – покосился на него Костя.

– Нет, по принадлежности к полу.

– Какое это имеет значение?

– Самое прямое. Мужики в этом вопросе гораздо объективнее женщин. Они в женской красоте разбираются гораздо лучше, чем сами женщины. Поэтому женщины стали бы намертво за свою национальность каждая и была бы по-своему права, – блеснул чёрными масляными глазами Костя под намечающейся лысиной.

– Но есть же какая-нибудь объективность? – темпераментно воскликнул Виктор.

– Есть, – мужественно ответил Вячеслав, – она перед тобой – это я, – и он ткнул в грудь свою пальцем. – В Кутаиси… Знаете Кутаиси? Это бывшая столица Грузии. Так вот в Кутаиси мне пришлось побывать только один раз. Красивейший и уютнейший город, ребята. Рынок там – сплошное благоухание киндзой и рэгани…

– Это что за животное, регани? – пожал узкими плечами Гена.

– Нэ «регани», дорогой, а рэгани, – решил вдруг изобразить кавказский акцент Вяч. – Это то же самое, что и базилик, только по-грузински. Мне их название больше нравится: базилик – словно имя какое-то опереточное… Там этой травы – стога и копны. Хинкали, хачапури, пиво и жарища под сорок градусов, и все – выше нуля… И женщины все всегда в чёрном. Нет,

не монахини. У них обычай. Древний. Если в роду умрёт мужчина – все женщины рода должны целый год носить траур по нему. А кланы у них бывают очень большими. И кто-нибудь в них то и дела умирает… Да, Витя, и грузины, случается, помереть могут – не все тыщу лет живут… Один траур накладывается на другой – чёрные платья практически не снимаются. Но их грузинки очень красиво шьют – женщина, всё-таки, и в трауре должна красиво смотреться… Так вот, нагулялись мы, по городу, пора на базу ехать – автобуса нет и нет. Стоим на остановке, тушимся под солнцем, как говядина в духовке. Делать нечего. Только смотреть по сторонам. Одна сторона – напротив кафе «Хачапури»… Знаете, что это такое? Верно – пирог с сыром. Только не такой, какими в буфетах торгуют, тощие и плоские…

– Как тёщин язык под прессом, – буркнул Федя.

– Папрошу нэ аскорблять пошлыми сравнэниями благородный продукт, – опять блеснул «грузинским» акцентом Вячеслав. – Настоящий хачапури – это пышный такой пирог… Вроде пирожного «Наполеон», но гораздо толще. Пышный и продолговатый. А в середине его – такое, знаешь, углубление и в нём – сыр. – Вячеслав судорожно глотнул и шмыгнул носом.

– Нарезанный?

– Хачапури подают горячим и сыр в нём расплавливается… А ещё к нему прилагается растопленное масло в посудинке. Кусок от хачапури отломил, в масло опустил и – в рот. Вкуснятина – ум отъешь. Вот чтобы не отъесть его окончательно, грузины не весь хачапури едят, а только самый смак. Остальное в отходы. И отходов этих – чуть ли не весь пирог…

– Послушай, гэнацвале, какое отношение имеет твой хачапур к жэнской красоте? – тоже обратился к кавказскому акценту Костя.

– Никакого… Это я просто к слову. Стоим мы на остановке автобусной, смотрим, как хачапури едят…

– А сами почему не едите?

– Да мы уже газировки напились… Так вот, стоим… И вдруг фиксирую у себя странное, для меня, явление: не сосредотачиваю взгляд свой на женщинах… В России уже шею бы отвернул и в спираль свил, провожая взглядом всех красивых девушек, а здесь только на хачапури… облизываюсь. Отметив необычность такую, ставлю цель: найти среди прохожих красавицу. Красота грузинок – факт известный. Царица Тамар, «не пой, красавица, при мне…»

– Почему Тамар? Тамара…

– По-русски Тамара, а по-грузински – Тамар… Не перебивай, Витя. Да, красавицу – с поправкой на свой вкус, куда от него денешься, с «пикассовским» не совпадающий, художественным. Сорок минут вглядываюсь в каждую проходящую, пятьдесят, пятьдесят три… Главная улица города. Людей – масса. И в ней – ни одной красивой. Даже обиделся и огорчился. Не может того быть, думаю, но оно есть… Так и уехали, не повидав ни одной красотки. Потом уже, в других городах Грузии, видел таких, что потрясают красотой. У них особая краса – царственная какая-то. Идёт: стать, походка, выражение лица – Женщина с большой буквы, царица. Благородное лицо, высокая грудь, чёрная коса, поступь… Да посмотрите на их танцы! Там каждая – произведение искусства… Но вот в Кутаиси… Тем ещё этот город и запомнился… Скорее всего, мне просто не повезло. Черкешенки очень красивы. Они небольшого роста, Гена, ресницы густые, длиннющие. Вверх загнутые. Красиво очерченные полные губы, выразительные глаза, чёрные и, главное, – очень женственный ласковый взгляд… Смотришь на неё и уверен – от неё вряд ли можно ожидать грубости и прочих ведьмачеств… Хотя, кто может быть в женщине уверен? А в средней Азии самые пресамые красавицы – узбечки.

– Я слышал, польки на весь мир славятся. За ними, чтобы в жёны взять, даже из Америки приезжают, говорят, – блеснул познаниями Виктор, плотоядно улыбнувшись.

– То же самое говорят и про русских женщин. Немцы во время войны, уж на что фашисты были, а и то о русской красоте говорили, – шевельнулся на стуле Серёга, потянувшись за пачкой сигарет.

– И не только говорили… Как в том кино: «трогал, трогал – и не только пальцем», – многозначительно хмыкнул Костя.

– Нашли авторитетов – фашистов. Мы – сами себе авторитеты. Вяч верно сказал: у нас постоять спокойно на улице нельзя – то и дело такие цимусы проходят, что хоть за каждой беги одновременно и в разные стороны, – признался Фёдор.

– Посмотреть бы на тебя в это время – как ты в разные стороны бросишься, – попытался представить себе невероятное зрелище Виктор.

– И всё же, нет, наверное, ничего безупречного в природе. У каждой красавицы что-нибудь, да есть. Изъянчик какой- нибудь… Недавно прочитал. В Англии женщин расспросили: что на их мужчин сильнее действует – эротическое нижнее бельё на женских телах, или сами тела – без нижнего белья? Без рубашки, как говорится, ближе к телу. Так многие ответили, что не надеются соблазнить своих мужчин собственным голышом… Здесь вам и ответ, кстати, зачем свет выключают перед эротикой, – несколько даже злорадно сказал Фёдор. – Лучше иной раз не видеть, чем смотреть… Лучше один раз пощупать, чем сто раз не видеть… Темнота, так сказать, стимулирует и она же – друг молодёжи, как известно.

– Почему же тогда говорят, что мужчина любит глазами? Зачем они в темноте? – вполне резонно спросил Гена, почёсывая собственный нос, как будто именно в нём содержался ответ.

– Так ведь ты, прежде, чем съесть что-нибудь, смотришь на это что-то и если тебе оно нравится, то ешь, потом уже не глядя. Так и здесь: рассмотрел даму, а потом и съел…

– Как сказал старый крокодил, протирая очки, – неожиданно для себя выдал Генка.

– Да уж – это лучше, чем наоборот… Недавно фильм по ящику смотрел. Про одного негра… – начал рассказ Константин.

– Про одного только? У них обычно в фильмах чернокожих полным полно, – поделился наблюдениями Виктор.

– Нет, на этот раз про одного. У него был очень изысканный и оригинальный вкус на женщин. Даже не ко всей женщине, как таковой. А к отдельной её части…

– Чего же в этом оригинального? У нас у всех к этой части вкус есть, – опять встрял Витя.

– Слушай, Слонище, если ты ещё раз меня перебьёшь, я тебе пасть порву, и скажу, что так было, – пообещал Костя. – Совсем не к этой части у него были особые претензии. А к совсем неожиданной – к ступням. Ежели в них что-нибудь не так, как ему нужно – ему их обладательница совсем ни к чему. При всём восторге от фигуры и прочих её деталях. Стоило ему обнаружить неприятную ступню – долой все эмоции и реакции…

– И эрекции, – не удержался Витя.

– Витька, давай сюда свою мерзкую пасть – рвать буду.

– Молчу, Костя, молчу…

– Как сказал немой крокодил, став глухим, – придумал фантастическое существо Генка.

– А что? Бывает подобное и не только среди негров. У моего приятеля что-то такое подобное было. – Вспомнил Вячеслав. – Только не со всей ступнёй, а… Он долго увивался вокруг одной красотки. Дама была в его вкусе, фигурой в целом и другими деталями в частности. Поначалу, казалось, никаких у него перспектив. Неприступна, как… Генка, молчи… Но всё же сдалась. Взаимный выбор состоялся. Обожание его продолжалось до… пляжа. Он ждал момента её обнажения с трепетом всего организма…

– И оргазма, – не в силах удержаться изрёк Генка.

– А вот до этого-то как раз и не дошло. На пляже произошло нечто, для нашего приятеля совершенно ужасное. И абсолютно нестерпимое. Настолько, что он удержал себя от немедленного бегства только неимоверными усилиями воли. Весь восторг от почти полностью обнажённого тела бесконечно любимой немедленно кончился. Она сняла туфли. И он увидел у неё на ступнях большие пальцы…

– Понятно: ему нравились женщины без больших пальцев.

– Почти в точку, Серый. Для него лучше бы их не было совсем. Они оказались, или показались, непомерно большими, да ещё и лихо загнутыми вверх, как носки монгольских верховых сапог. Две роскошных ноги и на их ступнях такая карикатура. Любой другой мужик на это и внимания не обратил бы – у неё детали были куда поинтереснее. Но наш друг уже ничего другого видеть был не в состоянии. И больше с ней не встречался.

– Он ей хоть сказал почему? Она же, наверное, и догадаться не могла. Переживала, небось, думала, что сказала не так что-нибудь или сделала, а всё дело в пальцах… Может быть, она его полюбила? – посочувствовал Костя.

– Да разве такую, бляха – муха, глупость скажешь? Не сказал, конечно. Сам понимал – глупость, но рассудок оказался слабее прихоти эстетических потребностей.

– Вот ведь от чего может зависеть счастье человеческое. Может быть, из них идеальная пара получиться могла на долгие годы, если бы не эта причуда? – задал несущественный вопрос Гена.

– Причуда ли? Если разобраться, то у всех у нас есть что-нибудь такое, что другим кажется причудой, а для нас – вполне нормальная вещь. Для одних мелочь, а для других это же самое способно мир затмить. Поднеси копеечную монетку вплотную к глазу – и больше ничего не увидишь… Да и саму её тоже, – философски проговорил Сергей.

– Тёмные вы все люди, как сказал слепой крокодил, хватая пастью бревно вместо бедняги на берегу, – не стоит уточнять, кто эту дикую фразу произнёс.

– Да, иной раз понять никак не можешь, чем кому-нибудь не угодил. Кажется, всё чин чинарём, а на тебя начитают зверообразно смотреть – не ведомо почему… Даже друзья закадычные. Не говоря уж о закадычных женщинах. Не обязательно подозревать что-нибудь значительное с общепринятой точки зрения. Эта точка может быть очень персональной и придавать значение совершенно неожиданным для других персон вещам… Тембр голоса, например, – щёлкнул себя по горлу Серёжа повыше воротника.

– Ты что имеешь ввиду? Если за воротник заложить, то голос изменится?.. Кстати, что такое закадычные друзья, кто знает? – спросил Виктор, наивно глядя на всех сразу.

– Я, – ответил Вячеслав. – Не знаю, но попробую предположить. Закадычные – это те, кто закладывает за кадык вместе с друзьями. Синоним – собутыльники. Принято?.. Нет? Ну и ладно. Так что – что там про голос?..

– Погоди про голос – ты ещё не сказал про закадычную женщину: как она такой может быть, если у неё нет кадыка и ей не за что закладывать? – задал коварный вопрос Степан.

– Настоящая женщина всегда найдёт куда, что и кого закладывать, и на кого… Голоса тоже могут нравиться или нет, не только внешность. Есть очень приятные голоса, а есть такие, что хочется уши зажать…

– Как сказал крокодил, слыша визг бабы Яги на своих зубах, – мрачно вставил Генка, лицемерно перекрестившись.

– Ты, Генка, договоришься когда-нибудь… Как мог сказать что-нибудь твой противный крокодил, если у него зубья заняты?.. Мне нравится грудной голос. У женщин. Он очень красиво звучит. Благородно, я бы сказал. Звучит, как откровение души… Если женщина с таким голосом обращается к тебе, то она как бы возвышает тебя до себя особым доверием. Как императрица ставит знак равенства между подданным и собой… Но и музыкальный инструмент красиво звучит, не имея никакой души. Душу в него вкладывает музыкант. Возможно, и мужчина, «играя» на женщине, способен возвысить её душу… Но так же способен и разбить её. это зависит и от самой музыки души… Но хорош и мягкий голос, певучий. Он тоже, по впечатлению, должен бы был отражать характер нежный и добрый. Только если вспомнить сладкоголосых Сирен, мифы древней Греции имеются ввиду, то даже волшебного звучания голоса способны погубить приличных мужчин, каковыми, без сомнения, являемся мы с вами, джентльмены…

– Как сказал заключённый в тюремной камере, обращаясь к карточным шулерам…

– Предлагаю этого мерзавца, по имени Генка, слегка побить, и, может быть, даже ногами… Ладно, живи… Женщины тоже могут если не изменить свои голоса, природой первозданные, то изменить их интонации – в состоянии всегда. и если захочет понравиться мужчинам – они, то есть, мы, это оценят… Впрочем, голос можно изменить и не хирургическим путём… Как-то по телику передачу показывали о Гердте… Не кто такая, Витенька, а кто такой. Артист знаменитый. Паниковского в «Золотом телёнке» видел? Вот он. О его голосе особо сказали. Необычайный голос был… Тот самый, глубокий и грудной, в мужском исполнении. Ведущий передачи впал в восторг и заявил: женщины от голоса Гердта были без ума. Психиатры, понимаете, людей от психушки лечат, а Гердт наоборот – последнего ума лишал… Я, признаться, не мог, со своей сугубо мужской колокольни разглядеть причин повального безумия прекрасного пола от гердтского голоса. Но, спустя некоторое время, заметил: многие мужики, выступая по ящику, вдруг заговорили голосами противоестественными – почти потусторонними. Особенно, на мой взгляд, отличился бывший премьер Касьянов. Этот вообще животом заговорил. Казалось, голосовые связки находятся у него где-то в области брюшины или чуть пониже. Может быть, дамы от него и впрямь рассудка лишались. Премьер он был весь из себя видный: высок не только по положению, но ростом, лицом пригож, очень заметно самовлюблён и, вот, голос «из живота» – животный. Но при этом – не перед микрофоном, а в обычной обстановке, разговаривал вполне обычным человеческим заурядным голосом… У любимой женщины и голос любим… Однажды, тоже по телевидению, Эдита Пьеха разоткровеннича-лась. Призналась, что часто бывала одинока… Неожиданность. Внешность красива, голос прекрасен, впечатление производит отличное, а мужикам чем-то не угодила. Наверное, все уверены были: у такой женщины не может не быть множества поклонников – значит и соваться не стоит – бесполезно. А на самом деле вон что…

Ночи чередовались с днями, обеды с ужинами, рабочие дни с днями выходными, темы разговоров менялись, как фигуры в калейдоскопе и только один стержень оставался неизменным и постоянным – женщины… Кто сидит за круглым казённым столом, кто на койке, кто на стуле. В майках, футболках, рубашках и, разумеется, все в штанах, если не в трусах. Курят и…

– Всё, о чём мы здесь с вами говорим насчёт женщин – всё это, значит, дребедень. Мы не сказали о самом главном для них, – сделал замечание Фёдор.

– Что для них может быть самым главным, кроме нас, мужиков? – сказал Костя, уперев правую руку в правый же бок, и придав себе таким образом некоторое сходство с сидячей буквой р.

– Кроме нас для них главное – во что и как одеться. Или можно наоборот: из чего и как раздеться, – уточнил мысль свою Федя. – Для них то и другое очень важно. Платья, юбки, жакетки, колготки и всё такое прочее – основа основ их внешнего вида и отражение внутреннего. Спорить с этим бесполезно, бессмысленно и опасно. Лучше воздержаться – в целях личной, значит, безопасности и самосохранения. Уж на что бабы всегда и во всём абсолютно правы, а тем не менее, в вопросах одежды местами кое-где время от времени кое в чём иногда правы не всегда… Они слишком много значения одежде придают. Уж если некая девушка никак не нравится некой особи мужеского пола, то во что бы она ни нарядилась, как бы ни оделась, какими бы драгоценностями ни украсилась – не понравится всё равно. Внимание к себе привлечь может, сочувственное или ироническое, но впечатления не изменит. А вот если понравилась и мужчина, что называется, запечатлел её образ в сердце своём, а некий иной орган при её виде встаёт по стойке смирно, то она будет мила ему в любом наряде, даже в безвкусном или вовсе безобразном. Потому, значит, что мужик, в любом случае, воображением

своим видит гораздо глубже и дальше поверхности надетого на тело. Назначение одежды – подчеркнуть тело или спрятать, временно, то, что показу не подлежит в данный момент или, при свете, никогда.

– Ты, Федя, при всей своей правоте, тоже «местами иногда кое-где» не совсем прав. В красивом платье женщина выглядит особенно красивой. Не скажешь же ты, что тебе всё равно, в чём женщина ходит, – возразил Вячеслав.

– Конечно, не скажу. Я говорю о том, что нам нравится не само платье, а то, что под ним, что у одежды только вспомогательная роль, что мы во всяком случае выберем хорошую фигуру под невзрачным платьем, а не красивое платье на безобразной форме. Пошло это звучит, или покажется, или не пошло, но такова природа мужиков… Нормальных, я имею ввиду. Всех. Если кто-нибудь скажет противоположное – соврёт самым наглым образом. Однажды в старом журнале «Техника – молодёжи» прочитал. Отмечался юбилей открытия Рентгеном его лучей – рентгеновских, естественно. После того, как в прессе рассказали о свойствах этих лучей: просвечивают, дескать, «насквозь и даже глубже», бедному учёному открывателю кучу заявок притащили. Читатели не подозревали, что аппарат – чрезвычайно громоздкое сооружение. Они представляли его себе чем-то вроде современной видеокамеры или бинокля и просили, покорнейше, продать им его для бытовых нужд и в личных целях. Цели эти у них находились на сцене театров оперы и балета – особенно балета: все просители были ярыми поклонниками высокого искусства танца – балетоманами. О целях очень легко догадаться. Вот вам и ценители «высокого искусства танца» – чем выше ножка – тем выше искусство. Танец здесь – дело второстепенное. Про красивые платья балерин уж и не говорю – лишняя деталь. Если от неё никак на сцене не избавиться, то хоть прозрачной сделать и разглядеть, наконец, что же там, значит, у них… там.

– Там у них то же, что и у других, – принял эстафету мысли Вяч. – Что же у нас получается? У нас выходит, что как бы мужик ни был интеллектуален, образован и музыкален, и воспитан. Как бы ни превозносил искусство, но в балеринах видит прежде всего женщинское тело, бюстики и ножки и ничего иного, кроме как…

– Как сказал голый крокодил, очутившись в женской парилке, – радостно объявил Генка.

– Прекрасных, гибких, изящных, красиво двигающихся, но женщин, – не обратил на этот раз внимания на фантазии товарища Вячеслав. – Я бы даже рискнул предположить: те юбочки балеринские, расходящиеся от их талий, словно лучи… Да – пачки. Так вот, эти пачки придуманы с целью как бы разделить женщину пополам – отделить её ноги от туловища. Они же раздельно смотрятся: туловище с руками и бюстом сверху, а нижний бюст с ногами – снизу. И приклейте мой язык к левой пятке правой ноги, если я ошибусь: всё внимание мужиков сконцентрировано именно на нижней, прежде всего, части… Но об этом потом. Вернёмся к нарядам. Отнюдь не следует, что они не имеют для мужиков никакого значения. Костюм может привлечь внимание к незнакомке. Может стать причиной желания рассмотреть повнимательнее обладательницу платья – опять же представив себе скрытое под ним, а затем и познакомиться, если визуальный осмотр оказался удовлетворительным. Но если выбор уже сделан – да, судьбоносного значения никакое платье уже не имеет. Мудрейшая из мудрых мужская мудрость гласит: не важно, что надето – важно на чём. Прекрасное платье на, по мнению определённого мужчины об определённой женщине, на прекрасной фигуре последнюю не спасёт от приговора не в её пользу. Но я не просто так сказал о конкретном вкусе персоны. Мой друг со школьных лет фигурки миниатюрные и стройные любил… Платонически, Витя, платонически… И вдруг оказался друг, ни с того ни с сего, поклонником крупногабаритных толстушек. По неведомым и не объяснимым причинам. Оказался, и всё. Так, внаглую, и говорил: «Толстая – хорошая». И мечтательно воздыхал при этом. Воздыхание однажды превратилось в плоть. Она, плоть, являла собой могучесть, раза в два превышающую объём друга в самом полном его месте… Девушку такой своей мечты друг упустить не мог никак и – женился. И жил счастливо. И ника-

кие одежды не способны были хоть иллюзорно, но превратить его Марину Ивановну в относительно, но похожую на примерно стройную, особу. Да ему и не нужно было никаких других особ. «Я», – говорил друг, – «чуть посмотрю на неё, чуть притронусь – и готов – моментальное либидо»…

– Либи… что? – переспросил Витя,

– До, – ответствовал Вяч.

– До чего и что?

– Слон, едрит твою в перекосяк, пошевели ушами и извилинами, – начал раздражаться Вячеслав. – Либидо – это… желание сделать женщине, и себе, приятное, и чувство способности это приятное сделать той самой своей частью организма, которой нет у женщины.

– Бородой, что ли?

– Издеваешься? – грозно спросил Вяч.

Витя прыснул смехом.

– Не издеваюсь, а шутю, в смысле шучу. Ты бы так сразу по-русски, и сказал: встаёт. А то закрутил про какие-то «либиды». Так что там ещё было приятного у Марины?

– То, что она косметику не употребляла. Это качество её очень ценил мой друг. И совсем не потому, что имела идеальную кожу лица, его конструкции и безупречную красоту. Упрёк ещё тот можно было бы дать… Если бы друг разрешил. Не применяла косметику – и всё. Хоть ешь её с сыром. Таков уж был её стиль. А до причин он не докапывался: зачем искать причину хорошего, если оно и без того хорошо?

– А, может быть, с косметикой было бы ещё лучше?

– Мой друг так не считал, а его подруга считалась с его мнением, а не с твоим, косметолог ты наш задрипанный. Он же её знал в натуральном виде. Поэтому разными там макияжами его обмануть стало не возможно, а других обманывать ей было не резон. А вообще, обилие косметики всегда настораживает мужика, который сапиенс, то есть, разумный: не скрывают ли с помощью этой штукатурки некие серьёзные изъяны или, упаси господи, пороки? Опять вспомним великую мужскую мудрость: хочешь видеть подлинное лицо женщины – посмотри на неё после бани…

– А лучше в самой бане, – мечтательно произнёс Костя.

– Мы говорим о реальном, а не о желаемом, – разрушил мечты Константина Вячеслав. – Марина Ивановна выглядела в глазах моего друга в равной степени симпатично и до, и после бани, и до, и после замужества – и это было её неоспоримым достоинством…

– Послушай, Вяч, хранитель мужских мудростей: а твой лучший друг – не тот самый, который «закусывал прекрасной дамой в свой обеденный перерыв на твоей койке? – озарился догадкой Костя.

– Во-первых строках моего ответа «сообчаю»: не на моей койке – я его строго предупредил заранее. Во-вторых, мужские тайны не разглашаются… Женские тем более. Логичнее было бы, если бы ты её имя спросил, а также номер телефона, а тот это был друг или не тот, значения не имеет.

– А как её имя и номер телефона?

– Не знаю, не скажу, – с партизанской прямотой ответил Вяч.

– Лучше бы сказал, не зная, – пробурчал Костя.

– А я ещё одну мужескую мудрость знаю, – объявил несколько минут назад присоединившийся к обществу Володя, высокий блондин с серо-голубыми добрыми глазами.

– И какую же? – ревниво спросил Вячеслав.

– Если хочешь знать, как будет выглядеть твоя жена в будущем – посмотри на свою тёщу.

– На мать своей Марины мой лучший друг, доложу я вам, вообще старался не смотреть… Надеялся, что прогноз и мудрость не всегда правы… Мы, «вааще об чём» говорили-то? – призадумался Вячеслав, внезапно утратив нить разговора.

– «Вааще» мы говорили об одежде, как об о конфетной обёртке, – напомнил Геннадий.

– Ах, да… Слушай, Ген, а ты верно сказал: «одежда как конфетная обёртка»… Так вот, как бы то ни было и какая бы она ни была, но одежда, то есть то, что надето, скрывает то, на чём надето.

– Очень неожиданное открытие, – одобрил Костя. – Кто бы мог подумать. Валяй дальше.

– Вальну сейчас. Но не всегда она скрывает… Вот, длинные платья, к примеру. Я их принципиально отрицаю. Только отрицай – не отрицай, но в природе, женской, они существуют, женщины их носят и с этим приходится мириться – до того момента, когда их с них срываешь… Сами по себе они бывают очень хороши – подчёркивают верхнюю часть женщин и, иногда, самую выдающуюся нижнюю… Очень украшает, и платье, и ту, на ком оно надето, декольте. Правда, и это зависит от его содержимого: чем оно полнее – тем живописнее и эффектнее. Но и эта деталь расположена в верхней части фигуры. Нижняя же часть, ноги, скрыта. Почему? Зачем, спрашивается, скрывать – если разреза нет? Разрез приоткрывает некую тайну, интригует, привлекает взгляд, волнует, наконец. Приятно волнует. Женщина словно намекает: я, мол, хоть и строгая вся из себя, но способна… От этих немых намёков пробуждаются исследовательские инстинкты. Естественно, сдерживаемые и от этого ещё более желаемые. В разрезе даже привычная ножка смотрится иначе: словно в ней чего-то недосмотрел… Но это всё – если есть разрез. Если же его нет – появляется мысль: дама что-то хочет скрыть, даже жертвуя видом своих ног. Это или из ряда вон безобразные ноги, или какой-то на красивых ногах серьёзный дефект, не поддающийся сокрытию иным способом. Однако, все сии рассуждения и подозрения относятся только к женщинам не знакомым, ранее не являвшимся мужчинам в своём более открытом виде. Вывод прост, как…

– Сломанный зуб крокодила, проглотившего даму в длинном платье, – немедленно среагировал Генка.

– Да будет так, – торжественно провозгласил Вяч. – Вывод таков: со знакомством с женщиной в длинном платье лучше подождать – до её появлении на свет Божий в более демократичной одежде.

– Но интересно было бы знать: каким образом мужики узнавали о внешних нижних данных дам в те времена, когда коротких платьев не было вообще? – озадачился Фёдор.

– Да всё тем же – посмотром на них без платьев.

– Так это уже после знакомства!

– Что делать: риск – благородное дело. Вот в те времена мужики и обрели мужество, – с пафосом отдал должное героическому мужскому полу Костя.

– А кто ввёл в моду женщинам носить мужскую одежду? – продолжил свои изыскания в истории дамских нарядов Фёдор.

– Истории известна Жанна Дарк. Может быть, кто-то и до неё перенимал у мужчин брюки, штаны…

– И презервативы, – сообразил неугомонный Генка.

– Эту специфику женщинам не на что надеть, – вспомнил Вяч, – а то бы переняли – сомнения нет. Нам сейчас только радоваться остаётся, что не в моде нынче носить женщинам ещё и стальной доспех с холодным оружием типа мечей, палиц и копий. И на том спасибочки. С другой стороны, и мужики подобрели – не жгут на кострах дам за ношения штанов. Тут уж пусть нас женщины благодарят. Впрочем, мы брюками на женских ножках и не возмущаемся. Совсем. Или изредка. Дело в том, что эта форма одежды почти не скрывает того, что под ней находится. Разве что кожу. Всё остальное, кроме икр, практически открыто хоть с тыла, хоть с фронта, хоть в анфас, хоть в профиль. Секретов больше нет. Особенно если на женских ногах штаны из тонкой материи. Они облегают все выпуклости и впуклости до мельчайших деталей не менее плотно, чем собственная кожа… После таких откровений следующий, вполне логичный, шаг – выйти на улицу в колготках – без юбки и штанов, а затем и вовсе без них… Я был бы

за… Что?.. Нет, я вполне серьёзно – пусть это и моя специфическая и персональная точка зрения: красивое скрывать не нужно. Все сокрытия – плод нашего ханжества и лицемерных традиций…

– Прекрасно! Но ты бы, лично, хотел бы, чтобы твоя любимая девушка ходила по улице практически голой? – меланхолически взглянул на Вячеслава Володя.

– Поймал. Практически я бы не хотел. Тут ты прав… Но это – я, и это – ты, а есть и другие… Но об этом потом… В Африке, скажем, некоторые племена все нагишом ходят – у них традиция такая испокон веков, и мужики, и бабы, и никакой ревности. Всё условно под луной, да и под солнцем тоже. Так что не исключено и у нас, когда-нибудь, изменение условностей. Они уже меняются. В пятидесятые годы о мини-юбках девчонки и подумать бы не смели, а в конце шестидесятых уже не только думали… Глядишь, лет через несколько, – по улице средь дня белого как ни в чём ни бывало идёт девушка ни в чём. С позиции нашей – шаг восхитительно смелый… На некоторое время. Затем наступил бы восторга неминуемый спад. Привыкли бы. Вон, при начале пляжного сезона. Первые выходы на песочек и первые взгляды на девочек в купальниках. Вокруг – сплошная нагота. После зимних сокрытий все выглядят в высшей степени сексуально. Любая поза – соблазн. Лежишь подчас вниз лицом и прочими органами в песок упершись чуть не по часу – встать неприлично по причине совсем другого стояния… Потом начинается невольный отбор по внешним данным. И чем дольше – тем строже. Неделя —другая и – адаптация. Уже спокойно ходишь и смотришь на всех тех, от кого падал вниз этим самым. И это самое спокойно. Разве что очень уж сексуальная фигура появится. И не обязательно с обнажёнными бюстами, верхним и нижним… Кстати, эти два понятия, верхний бюст и нижний, не моё, увы, изобретение. Их придумала одна женщина… Но о ней тоже потом. А пока на пляж вернёмся. Нижние бюсты при современных купальниках открытых – во всей красе, казалось бы… Ну и что же? А то же, что в них попы женские смотрятся совсем не так сексуально, как того можно было ожидать… Они, всё же, не выглядят как вовсе без ничего, чтобы окончательно сразить и немедленно возбудить, но и настолько закрыты, чтобы оставить хоть какой-нибудь соблазняющий секрет… Хотя, нудисты – натуралисты голы до волосиночки, но не безумствуют тут же, на своих пляжах… Открытый купальник может навести на мысль, что девушка, открыв одну из интимных частей своего тела, непрочь и другую открыть – с противоположной стороны, на что мужиков и провоцирует, привлекая к себе внимание. Может быть, она ни о чём таком и не думает вовсе, а просто загореть хочет максимально везде, где можно… И нельзя. Но это она не думает, а мы то вполне можем думать и даже действовать. Всё же где-то в чём-то иногда, хотя бы, женщине не лишне сохранять хоть некоторую тайну. Пусть она и не тайна совсем, а иллюзия тайны.

– И чего же такого таинственного может быть в женщинах? Они что – все разные? У одной грудь на спине, а у другой сбоку?.. У всех анатомия одинакова. Разница только в формах, – суховато сказал технолог Федя. – Вот есть, скажем, самолёты ТУ – так у них все детали одинаковы и даже должны быть взаимозаменяемы. Взял одну, поставил на другой самолёт – и она должна подойти к нему, как к родному.

– Ага, взял бюст одной девушки, приставил к другой, попы поменял и всё в ажуре, – усмехнулся Володя.

– Людоед ты, Вовка, и даже каннибал, – содрогнулся Костя.

– Разве я? – удивился «людоед». – Это вон Федя предложил детали менять.

– Дайте Вячеславу досказать то, что он хотел, – предложил Гена.

– Нижний бюст от верхнего, естественно, отличается…

– Слушай, Вяч, ты сегодня одно открытие за другим делаешь. Кто бы мог догадаться, что грудь от попы отличается, если бы не ты? – иронически хмыкнул Константин.

– Ты думаешь по-своему, а я по-своему… Грудь – украшение женщины более тонкое и изящное, чем нижняя драгоценность…

– Ещё бы на нижней декольте носили – вот это был бы видик… Представляю… Ладно, не буду, – осёк себя Генка.

– Это у кого как: у одних, может быть, и тонкое, а у других очень даже наоборот, – вспомнил что-то своё Витя, – вот я одну…

– И вечно ты, Витька, встреваешь… Красивая грудь возвышает женщину до высот античных богинь. Обнажая её полностью, она доверяет себя пространству – трогательно доверяет, и одновременно властвует над ним. И над мужчиной тоже. Совсем не обязательно похотливое чувство преобладает у него при этом, хотя и присутствует – никуда от него не денешься. Есть и чувство эстетически прекрасного… Чего больше – это уже от характера мужчины зависит. Только и здесь время действует, как успокаивающее снадобье. Первый взгляд на обнажённый бюст, верхний, трудно отвести в сторону. А если отведёшь – всё равно он сам собой стремится вернуться обратно. Даже если не смотришь – всё равно зрелище это держится в памяти. Но – второй взгляд, пятый, десятый… Через часок, а то и раньше, всё в окружающем мире возвращается на свои места и прекрасная женская грудь становится одной из его привычных частей…

– «Всё пройдёт – и печаль, и радость», – мрачно пропел Фёдор. – Что-нибудь постоянное в этом мире есть?

– Есть, – твёрдо ответил Вячеслав.

– И что же?

– Непостоянство мира…

– Весёленькое явление, – скептически промолвил Володя.

– Не весёлое и не грустное, а просто факт.

– «Просто»… Я, как-то, был свидетелем такого «простенького» фактика. Дело тоже на пляже происходило… Интересное это место – пляж. Вроде бы люди там только и делают, что загорают, купаются… Правильно, Витя, и водку с пивом пьют. А ещё и знакомятся… И меню разглядывают.

– Что за меню такое? В кафе ходят? – не понял Гена.

– Да нет. Это типа анекдота. Муж сидит в ресторане с женой, и голову из стороны в сторону, как маятник, качает – на девушек. Жена заревновала: «Ты что это на девочек заглядеался?» Муж плечами пожал: «Мне уж и на меню нельзя посмотреть?» Вот и я с ребятами на пляже лежу. Подходит знакомый, Сашка, с женой. Расположились рядом. Женщина разделась и внимание всей компании – на неё. Это уж закономерно: разглядеть женщину. Но это была ещё и выдающаяся женщина – совершенством и аппетитностью форм. Фигурка, то сё…. Лицо очень симпатичное, доброе, губы поцелуйные. Позавидовали мужу. А он на неё, заметили, если и смотрит на, то не с большим воодушевлением, чем на разложенные ею перед ним помидоры. И вот мы, украдкой, зрительно визуально и мысленно на ощупь оцениваем её неоспоримые достоинства, а Сашка возьми, да и скажи, когда она без него пошла искупаться, бёдрами покачивая и грудью подрагивая: «Удивительно – на неё ещё смотрят… Чего смотрят? Что в ней может понравиться?.. Мне она, что вот этот песок…» «Ну ты даёшь, Сашок! Такая женщина… Почему женился тогда?» «Так ведь то было раньше когда-то – аж целых два года назад тому. Она совсем другая была. А теперь…» Сашка махнул рукой и посолил помидорину. Вскоре развелся и женился на другой. И эта другая, на наш, пляжный, взгляд, проигрывала первой сашиной «суженой» по всем статьям. А он с неё, что называется, глаз не сводил днём, а ночью, как сам признавался, не слезал.

– Вместо матраца использовал? – съехидничал Генка.

– Вместо жены. А первая жена, Люся, так замуж ещё и не вышла.

– А ты откуда знаешь, что не вышла?

– Такую женщину из поля зрения выпускать нельзя…

– Что ж, вот вам ещё один случай с обнажённой натурой, – вспомнил Вячеслав, поразмышляв несколько минут. – На Кавказе дело было. Тому назад не так уж много лет. Только

не на том Кавказе, который возле самого синего в мире Чёрного моря, а в горах. Наша группа к морю только ещё шла. Большущая группа подобралась. В сорок человек. При норме в двадцать.

– Почему двадцать – норма? – равнодушно спросил Костя, чтобы что-то спросить.

– Потому что инструктору за небольшой группой легче уследить в случае чего – в поле зрения держать и помочь при надобности. Что-то там на турбазе не заладилось… Кажется, инструктор приболел из параллельной группы. Как бы то ни было, а орюкзачилось нас многовато. Но веселее. Как всегда – женщин больше, чем мужчин. Значительно больше. Шли мы шли по горам по долам, «нынче здесь завтра там», и пришли в очень экзотическое место. Перед главным нашим перевалом расположенное. Терзиян называется…

– В Армении дело было? – для справки поинтересовался знаток крокодилов и географии Геннадий.

– Вовсе нет – в… Карачаево – Черкессии, кажется… Нет, в Адыгее, точнее.

– Почему же тогда название армянское?

– Вот и мы спросили у проводника: почему? Ответ простой: в тех местах некий революционер чем-то, не помню, прославился, армянин Терзиян… Да, так вот. Группа большая, но выделялась в ней пара – муж с женой… Своей, говорил… Память о муже я сохранил только в том, что был он длиннейшего роста. А вот жена его…

– Красивейшая красавица, – изобразил иронию Костя.

– Ты то почём знаешь – не помню я тебя в нашей группе?

– А у тебя все женщины, о которых ты рассказываешь, красавицы одна пуще другой.

– Правильно подметил – о некрасивых не рассказываю… Могу даже показать. Во всей, между прочим, открытой и всесторонней красе… На фотографии, правда, только, а не в натуре… Валей её звали.

– А жаль, – печально вздохнул Витя, – натура нам сейчас очень бы не помешала.

– Как сказал голодный крокодил, – облизнулся Генка.

– Вот в этом самом Терзияне есть очень симпатичное и романтичное место. Горная река. Вокруг сосново-елово-буковый лес на склонах. Возле левого берега реки – высоченная отвесная скала. Почти ровная, словно отсёк её от горы кто-то громадным мечом, часть её… С утра пораньше, чтобы никто на меня не таращился, как любопытная мышь на сыр, пока ещё все спали, отправился я мышцы размять, в речке искупаться. Для этого место подходящее нужно найти. Они же бурные, реки горные – просто так в них не бултыхнёшься, где захочется. Надо отыскать местечко где-нибудь за крупным камнем – там вода поспокойнее, и окунуться или поплавать, если удастся. Пляжи там не песочные, конечно, а каменистые… Выбрал место поуютнее. Руками ногами заразмахивал, разминаюсь… Слышу голоса за кустами. Всматриваюсь. Та парочка, муж с женой. Она, бляха-муха, – без бюстгальтера. Представляете: всё тело загорелое, а грудь белеет, как две перламутровые жемчужины, и даже ещё перламутровее, с двумя ослепительными звёздочками точно посередине… Вокруг талии полотенце. Ниже талии – ни-че-го…

– Вах! – воскликнул Фёдор. – Бэз ног идёт и бэз всего, что повыше?

– Нет, Федя, с ногами, да ещё с какими, и со всем, что между ними и повыше. И всё – как есть наружу. Фигура – это надо видеть… Покажу, Витя, покажу… Нудистка, думаю. Ладно, уединению супругов мешать не стану – перейду в другое место. Перехожу. Скрылся. Опять разминаюсь… Но рассеянно – внутренним взором и кожей вижу фигуру. Через малое время она вновь возникает и опять не перед внутренним, а перед наружным зрением – оба идут в мою сторону. Вот канальство – не видят, что ли, что место занято?! Пригнувшись, для маскировки – чтоб не увидели, перебегаю опять подальше. И опять они за мной… Ну, погодите тогда. Деланно спокойно, будто и не вижу их, встаю в позу, лягаюсь ногами, вращаю руками.

«Привет, Вяч!» – слышу. И оба два располагаются рядом… Он почему-то в плавках, а она, как я уже говорил, без… И почему-то не почему-то. Та-ак… Стараюсь унять эмоции…

– И эрекции, – добавил сочувственно Витя.

– Ты, как всегда, прав, Витек… «Валя», – говорю, – «а давай я тебя сфотографирую. Ты не против?» Я фотик с собой прихватил. Вот сейчас, думаю, она и смутится. «А почему же я должна быть против? Я очень даже за. Где встать? Или лечь?» Смутился я… «Для начала встань, будь ласкова, на фоне вон той скалы». «Очень даже пожалуйста. А как ласкать, хи-хи?..» И она встаёт перед тёмной, в тени, стеной скалы, освещённая солнцем, и ослепляет меня фигурой больше, чем светило. И снимает с талии полотенце… Фотоаппарат запрыгал в моих руках, как лягушонок. Еле-еле навёл… Щёлк. Готово… «А теперь мне сесть или лечь?» «Сесть, а потом лечь». И она садится лицом ко мне, и сгибает ножку правую, поднимая её над левой… И улыбается. А потом ложится в совершенно немыслимо неотразимое положение. И я всё это снимаю во всех возможных эффектных ракурсах, с трещащими плавками своими… А он, муж то есть, абсолютно спокойно лежит, загорает, книжечку почитывает и подкапчивает небо синее дымом сигареты….

– Врёшь, – уверенно сказал Володя. – Такого быть не может, потому что такого не может быть никогда.

– Я сам бы не поверил, если бы не видел сам… Но это ещё не всё. Уже к вечеру, когда солнце помягче, собрались на берегу мужики из группы. Стоим, курим, разговариваем на темы, которые только и могут возникнуть на фоне потрясающей природы – о политике… В разгар обсуждения самых злободневных тем появляется она. Даже не появляется, а является. Спокойно входит в самую средину нашего круга… В том, что можно, с натяжкой назвать плавочками, но без лифчика. Расстилает что-то на камешках и ложится лицом, и всем остальным, вверх… Разговор, естественно, завял сам собой. Мужики онемели. Заткнули себе рты сигаретами. Медленно разошлись веером от центра, где полёживала, слегка усмехаясь, Она, как богиня любви… О чём она думала?.. А потом, уже по ту сторону перевала, садимся в автобус. Рядом со мной оказалось свободное место и Она, войдя в салон, без раздумий села на него. Посидела несколько минут, поболтала о чём-то и… положила ногу свою мне на бедро. Небрежно так… Муж – рядом через проход… Мне, признаться, больше неловко было, чем приятно: это уж чересчур. «Слушай, Валентина, муж же вот тут же рядом же…» «Ну и что же же же?» – засмеялась, – «Тебе нравится?» «Д-да, конечно, но…» «И мне тоже. Едем дальше». Приехали… На турбазе, уже в Дагомысе, мужики догорились, подходим к мужу. «Пётр!» – мужа «ейного» Петькой звали. «Пётр, черти тебя раздери, ты что – не видишь, чего твоя вытворяет?» «Вижу, конечно… А что она такого вытворяет? Она красивая женщина и прелести своей не скрывает. Ей нравится нравиться и заставлять восхищаться собой. Смотрите, любуйтесь. Либидо? Так это, ребята, ваши проблемы, а не её. Вы вот попробуйте попробовать получить от неё хоть что-нибудь… Если кому-нибудь удастся – ради бога – не возражаю…» Надо было видеть, с какой яростью Она носилась по биваку во время похода с увесистым каменюкой в руках, грозя расшибить его об голову того, кто ради хохмы подложил этот булыган в рюкзак её мужу и он пёр его через перевал, грустно думая, что, должно быть, заболел, если груз вдруг потяжелел «ни с того, ни с сего»… Никто из нас ничего от неё «получить» и не пытался…

– Загадочная особа, – задумчиво произнёс Володя.

– Несчастная женщина, – добавил Костя.

– Ничего загадочного. Таких, значит, «загадочных» ещё и стервами зовут – жёстко отрезал Фёдор. – Подразнят мужиков, а потом фигу покажут.

– Фигу… Знаешь ли ты, что означает эта фигура из трёх пальцев? – покосился на него Вячеслав.

– А чего тут знать? Известно – кукиш с маслом и пошёл ты на…

– Да вот и нет! «Фигу» из трёх пальцев показывают мужикам японские проститутки. В динамике, причём: большим пальцем быстро двигают между указательным и безымянным. На что похоже?.. Вот именно. И всё мужику понятно.

– И всё-то ты, Вяч, знаешь. Даже скучно с тобой, – покосился Константин.

– Скучай себе на здоровье. Мне с собой не скучно… Скорее всего, она, Валентина, своего рода извращенкой была, если вдуматься. Да и муж её, пожалуй, – загадки мужской психологии. И женской тоже. Зигмунд Фрейд… Психоаналитик, Витя, напоминаю… В своё время занимался исследованиями всякого рода извращений. В своих книгах о них писал, размышлял… Теорию «либидо» придумал… Вещь сложная и если коротко, то заключается в том, частично, что главным двигателем и стимулом всех стремлений мужчин в жизни, от науки до карьеры, от работы до комфорта и всего – всего, является женщина и только женщина и ничего другого, кроме женщины… Ошибка. Лично мне никогда, ни при каких разговорах мужиков между собой не доводилось слышать ничего, позволившего бы сделать такой вывод. Теория с практикой не всегда сходятся…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.